

Костантин

ГНЕТНЕВ

**Карельский фронт:
тайны лесной войны**

Оглавление

АННОТАЦИЯ	3
ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПУТЬ В ОТРЯД	11
«МОИ НЕСБЫВШИЕСЯ СМЕРТИ». Рассказывает Дмитрий Степанович Александров	12
ГОЛУБЯТНИК С УЛИЦЫ КРАСНОЙ. Рассказывает Борис Степанович Воронов.....	18
«ДВУХМЕСЯЧНАЯ КОМАНДИРОВКА». Рассказывает Михаил Иванович Захаров....	20
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕГКОАТЛЕТИЧЕСКИЙ КРОСС 22 ИЮНЯ 1941 года. Рассказывает Иван Александрович Комиссаров	22
МОЯ РОДНАЯ «ЧЕТВЕРКА». Рассказывает Петр Федорович Кузнецов.....	25
САМАЯ МОЛОДАЯ ПАРТИЗАНКА КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА. Рассказывает Наталья Никитична Пастушенко (Сидорова)	28
ЯРОСЛАВЦЫ. Рассказывает Сергей Павлович Татаурщиков	29
ГЛАВА ВТОРАЯ. ПЕРВЫЕ БОИ	33
ПУЛЕМЕТЧИКИ. Рассказывает Дмитрий Степанович Александров.....	35
САМЫЙ ХРАБРЫЙ КАРЕЛЬСКИЙ ПАРТИЗАН. Рассказывает Борис Степанович Воронов	37
В ОКОПАХ ПОД МЕДГОРОЙ. Рассказывает Иван Александрович Комиссаров	40
РУКА ОБ РУКУ С НЕОПЫТНОСТЬЮ. Рассказывает Михаил Иванович Захаров.....	43
ПАРТИЗАН КОСТЯ НУЖДИН. Рассказывает Сергей Павлович Татаурщиков.	44
ДОСТОИНСТВО. Рассказывает Наталья Никитична Пастушенко (Сидорова).....	45
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЗА «ЯЗЫКОМ».....	46
КТО НА ПАРТИЗАНА ПОХОЖ? Рассказывает Дмитрий Степанович Александров	48
ЧЕМПИОН ФИНЛЯНДИИ. Рассказывает Наталья Никитична Пастушенко (Сидорова)	55
ГЛУПАЯ ШУТКА. Рассказывает Сергей Павлович Татаурщиков	58
КТО ОХОТНИК, А КТО ЖЕРТВА. Рассказывает Михаил Иванович Захаров	61
ПАРТИЗАНСКИЙ ОТВЕТ. Рассказывает Борис Степанович Воронов.....	63
«КТО ТАМ?» «СВОИ!». Рассказывает Иван Александрович Комиссаров	66
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. БРИГАДНЫЙ ПОХОД.....	69
БОЛОТО ЗА ЕЛМОЗЕРОМ..Рассказывает Борис Степанович Воронов.....	70
КРАСНЫЕ ЯГОДЫ ЕЛМОЗЕРА.Рассказывает Петр Федорович Кузнецов.....	74
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	81
ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА: формирование, командный и политический состав.....	81
ПРИСЯГА ПАРТИЗАНА	90
ПАРТИЗАНСКИЙ СЛОВАРЬ	91

АННОТАЦИЯ

В книге Константина Гнетнева «Карельский фронт: тайны лесной войны» Впервые в партизанской историографии Великой Отечественной войны с предельной откровенностью, устами живых участников событий повествуется о запредельно тяжелых условиях лесной войны на Севере в условиях Приполярья, о реальных успехах, героизме и неудачах освободительной борьбы с врагом на оккупированных территориях в 1941-1944 годах.

Книга представляет собой сборник откровенных, доверительных рассказов бойцов партизанских отрядов Карельского фронта о себе и своих товарищах, о взаимоотношениях с командирами, о походной жизни в лесу и на партизанской базе. Партизаны рассказывают о том, как организовывались атаки на финские гарнизоны, как захватывали «языков», о невероятных трудностях пеших многотысячных переходов по горам и болотам Крайнего Севера летом и глубоким снегам зимой, о победах, гибели товарищей и неизбежных поражениях.

В частности, автор приводит такой факт: 17 декабря 1942 года два партизанских отряда «Советский Мурман» и «Большевик Заполярья» в составе 119 бойцов вышли в рейд и за 26 суток похода потеряли 59 партизан по причине обморожения.

К. В. Гнетнев приводит поразительные данные о тяжести лесной партизанской войны в Приполярье. Согласно архивным данным, за 4 года в 19 партизанских отрядах каждый второй боец погиб от вражеской пули, холода и голода, стал инвалидом, был ранен или попал в плен. По экспертным оценкам, весь Карельский фронт за 3, 5 года войны потерял, в том числе, по причине невыносимых природно-климатических условий до 250 тысяч бойцов и командиров. Это больше, чем боевая численность фронта летом 1944 года.

Собранные К. В. Гнетневым в книгу «Карельский фронт: тайны лесной войны» рассказы свободны от подцензурной оглядки на официально утвержденную точку зрения на факты и события Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Партизанские повествования структурированы по темам и затрагивают, в том числе, прежде невозможные для общественного обсуждения вопросы -- бессмысленные приказы и жестокость командования, расстрелы своих бойцов, добивание раненых, гибель партизан от холода и голода и т. п..

Книга «Карельский фронт: тайны лесной войны» снабжена обширным информационно-справочным аппаратом, составленным из редких архивных материалов, своеобразным партизанским «словарём» и большим блоком оригинальных исторических фотодокументов военной поры.

Особый раздел книги составляет дневник комиссара П. Д. Поварова. Ежедневные записи на протяжении (без малого) семи месяцев представляют собой уникальный документ военной поры. Дневник дает отчетливое представление, каким образом была устроена жизнь в одном из известных партизанских отрядов Карельского фронта «Боевые друзья», как планировались и осуществлялись операции, как складывались взаимоотношения бойцов и командиров, какой на практике была их идеологическая и боевая подготовка.

Сама книга и дневник комиссара П. Д. Поварова предоставляет собой редкий материал для исследователей партизанской темы в Великой Отечественной войне. Как отмечал профессор Петрозаводского государственного университета, доктор филологических наук Е. М. Неёлов, «Книга обращена к разной и широкой аудитории: историк найдёт в ней факты для своей работы, «просто читатель» -- яркие картины военной поры, а школьнику... «Тайны лесной войны» заменят соответствующих параграф учебника, тем более, что в некоторых современных школьных учебниках истории такой параграф просто отсутствует...»

Книга К. В. Гнетнева «Карельский фронт: тайны лесной войны» о партизанской войне на Крайнем Севере адресовано всем, кто интересуется одной из малоизученных страниц Великой Отечественной войны, кому дорога подлинная история Отечества. Книга вышла уже двумя тиражами, получила самые высокие оценки военных специалистов-историков, исследователей литературы и читателей, принесла автору Премию Республики Карелия в области культуры, искусства и литературы.

ПРОЛОГ

Печали забудьте, обиды не троньте – Пусть
будет военная память строга. Проснитесь, солдаты
Карельского фронта, Вставайте, ребята, стряхните
снега!

Лев Ошанин

Карельский фронт решительно отличался от других фронтов Великой Отечественной войны. Известно, что это был самый протяженный фронт, войска которого располагались на расстоянии более полутора тысяч километров, и единственный, на одном из полярных участков которого противник так и не сумел перейти Государственную границу СССР...

Карельский фронт существовал дольше многих других фронтов – более 3,5 лет (с августа 1941 по ноябрь 1944 года), и никогда не отправлял в тыл на ремонт поврежденную военную технику. Historики подчеркивают, что именно на Карельском фронте, и нигде более, для обеспечения войск использовались олени и собачьи упряжки...

Но была еще одна особенность, выделявшая Карельский фронт из остальных. И создана она была не людьми. Малопригодный для человеческого существования климат и рельеф местности – вот в чём она заключалась. Скалы, непроходимые болота, студеные озера и быстрые реки, дурная погода летом и крепкие морозы зимой. И, как следствие, -- бездорожье и малонаселенность...

1

Природно-климатические условия делали чудовищно растянутый от Ладоги до Баренцева моря фронт «дырявым». На десятках километров унылых сырых болот, источавших ужасный запах гниения в летнюю жару и не промерзающих в сильные морозы зимой, фактически никакого противостояния армий не было. Была «линия боевого охранения» -- некая условная полоса «ничейной» земли с редкими и малочисленными гарнизонами по обе стороны.

Война в таких условиях не могла быть лёгкой ни для одной из противоборствующих сторон...

Она легкой и не была...

Карельский фронт стабилизировался уже зимой 1941 года. И за три с половиной года, не проводя громких (в масштабах других фронтов) сражений, потерял до 250 тысяч солдат и офицеров. Это больше, чем боевая численность всего фронта к лету 1944 года (228 882 человек).

Это экспертная оценка. И я не беру на себя смелость утверждать, что потери наших войск напрямую связаны с боевой активностью немцев и финнов. Очень серьезным врагом оказалась и суровая природа. По данным министерства обороны России, безвозвратные потери советских войск составили 150 тысяч человек. Мнения экспертов сходятся с официальными данными только в том, что нам известны имена лишь 51,6 тысячи павших. Неизвестными остаются почти 6 тысяч солдат, прах которых захоронен даже в братских могилах...

2

«...Он, наверное, и сейчас лежит, припорошенный снегом, на том самом месте, где настигла его пуля, -- белый бугорок на краю болота, а может, в узкой лощине между сопками, ведь для засад выбирают такие места, чтоб противник был как на ладони, -- и будет долго-долго лежать нетронутым, до самого весеннего тепла...»

Так написал о своем друге Валентине Лукиных партизан, командир отделения взвода разведки Дмитрий Гусаров, ставший после войны народным писателем Карелии.

Так же, как и 18-летний свердловчанин Валя, остались лежать десятки тысяч захороненных бойцов...

Особенности Карельского фронта во многом способствовали развертыванию на Севере тайной лесной партизанской войны. И её трудно сравнить с чем-либо по трудности и жестокости. По статистике, за три года войны каждый второй партизан погиб, умер от истощения или ран, пропал без вести в лесах и болотах, подорвал здоровье непосильными нагрузками и был отчислен из строя инвалидом...

Примеров подобного рода множество, но особенно характерен поход двух партизанских отрядов Мурманского направления «Советский Мурман» и «Большевик Заполярья», названный «ледовым». 17 декабря 1942 года два отряда общей численностью 119 бойцов выступили на выполнение задания во вражеском тылу. Как развивались события далее, расскажем цитатами из отчёта командиров отрядов С. Д. Куроедова и С.А. Смирнова:

...23 декабря: «Оттепель. Ждали погоды сутки...»

Через неделю, 1 января: «За отсутствием ягеля олени встали, и трех пришлось прирезать...»

Через день, 2 января: «В трех километрах от границы бойцы Рязанов. Мазанов, Ефремов и Мочалин заболели и еле шли.... Утром умер Ефремов, днем Рязанов.... Потери: убитых – 15, раненых – 4, расстрелянных – 1, умерших – 7. До 70% -- обморожение. Мороз 39 градусов...»

Сообщение от 11 января: «С 7 по 11 января обозом и самолетом 59 человек отправили в госпиталь...»

За 26 суток «ледового похода» потери личного состава убитыми, ранеными и обмороженными составили: 19 бойцов – в результате боев с врагом и 59 – из-за мороза! 59 бойцов – это полная численность партизанского отряда «Большевик Заполярья» накануне выхода во вражеский тыл...

3

Почему истинный характер лесной войны на Карельском фронте мы узнаем только теперь, разве книги об этом не выходили прежде? Разумеется, выходили. Однако создавались они в основном в 70-80-е годы и с неизбежностью несли на себе отпечаток того времени...

Советское время, с его «обллитом», идеологическими отделами партийных комитетов и высокими московскими институтами, то есть с государственной, с партийно-идеологической и с официально-научной цензурами, ставило любое повествование в весьма жесткое русло. Авторы настоятельно подталкивали к изображению победно-парадных сторон войны, понуждая опускать факты или использовать в повествовании невнятную скороговорку, когда речь заходила о трагических и тяжелых её страницах.

В то время правила бал идеологическая доктрина, в соответствие с которой по-настоящему воспитывать можно лишь на «хорошей» истории, на подвигах и славе. Тогда как от свидетельств о неудачах и поражениях, якобы, «мало пользы» в патриотическом воспитании...

Авторский протест или неисполнение рекомендаций цензоров неизбежно приводили к снятию книги из плана издательств на любой стадии работы. Известен случай, когда из рукописи книги комиссара отряда Г. А. Герасимова «Партизанские километры» издательством была изъята целая глава о чудовищно трудном летнем походе 1942 года партизанского отряда «Вперед». Ситуация сложилась так, что при возвращении в свой тыл до линии боевого охранения наших войск сумел доползти в полубессознательном состоянии только один партизан...

Подобная политика в изображении истории не могла не привести к возникновению жесточайшей самоцензуры не только у людей пишущих, но и у самих ветеранов. В июне

2005 года бывший разведчик отряда «Боевые друзья» И.А. Комиссаров прямо заявил мне в беседе:

«Мы не дали Д.Я. Гусарову написать всю правду о походе бригады летом 42-го в его романе «За чертой милосердия». Так и сказали: «Брось, Дима. Не надо. Все равно не пропустят...».

Сам писатель так отметил это обстоятельство в дневниковой записи от 10 октября 1970 года:

«Партизаны охотно и много рассказывают об этом походе, но у меня сложилось впечатление, что они не хотят, чтобы об этом походе была написана вся правда...».

Стремление наложить «глянец» или, напротив, затуманить, заболтать те или иные факты доводило до откровенных глупостей. В первом варианте рукописи книги «За линией Карельского фронта» ее автор первый секретарь ЦК Компартии Карело-Финской ССР и член Военного Совета Карельского фронта Г.Н. Куприянов утверждал, что в вещевом мешке каждого партизана, уходящего в тыл врага на задание, непременно был «томик «Краткого курса истории ВКП(б)» И. В. Сталина...

Большого труда партизанам стоило убедить автора в необходимости снять это нелепое утверждение. Бывший политрук партизанского отряда «Железняк» С. П. Татаурщиков так рассказывал мне об этом эпизоде:

«Еле убедил. Говорю: ну, не было такого, Геннадий Николаевич! Ведь каждая иголлка на счету. Я даже свой «кольт» в походы перестал носить, а вы с «историей партии»...»

А ведь генерал Куприянов в числе других руководил партизанским движением, считался авторитетом в истории войны на территории Карелии и лучше многих знал предмет, о котором писал...

4

Известной неполнотой страдают и публикации историков. В одной из недавно вышедших книг приводится ссылка на неназванного офицера военной контрразведки фронта, который отмечал в аналитической записке низкую эффективность партизанской войны на Карельском фронте («Партизанская война в Карелии», с.27). Офицер, в частности, указал, что в 1943 году партизанский отряд «Вперед» «совершенно не имел результатов...».

Куда же тогда отнести операцию по разгрому финского гарнизона в Мергубе и уничтожение стратегически важного моста через реку Чирко-Кемь в Андроновой горе? Эта блестящая операция, одна из наиболее ярких за все три года лесной войны, была осуществлена в ночь с 10 на 11 марта 1943 года и буквально потрясла моральный дух

противника. В том походе сводным отрядом партизан командовал командир отряда «Вперед» К. В. Бондюк, а его отряд шел головным в колонне...

Историки пишут и о невысоком эффекте партизанского движения «как регулярного армейского элемента». Но правомерно ли применять в оценке партизанской войны критерии, с которыми мы рассматриваем результаты армейских операций? Перед партизанами ставились иные, особые цели и задачи. Они сформулированы еще 3 июля 1941 года в выступлении по радио И. В. Сталина и не претерпели изменений в течение всей войны:

«В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников (подчеркнуто мной – К. Г.), преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия...»

Многие факты свидетельствуют, что, с точки зрения создания для врага «невыносимых условий», партизанскую войну никак нельзя отнести к явлению незначительному и малоэффективному в общем военном успехе Карельского фронта. Напротив, будучи вооруженными и экипированными значительно хуже финских и немецких солдат, не имея возможности использовать дороги, без постоянной поддержки артиллерии и авиации, при отсутствии на временно занятой врагом территории баз продуктового и боевого снабжения партизаны Карельского фронта оказались сильнее и, безусловно, стали победителями в лесной войне!

Это стало ощутимо уже зимой 1943-1944 годов, когда финны прекратили преследование отрядов после выполнения боевых операций в их тылу. Мало того, при партизанских атаках оккупанты стали оставлять даже соседние гарнизоны...

Современная чересполосица оценок и мнений свидетельствует прежде всего о том, что историческая наука долгое время всерьез партизанским движением не интересовалась. И понятно почему. Кроме того, что наука, как и литература, находилась под идеологическим прессом, это было заведомо малоинтересное занятие. Раз и навсегда выработанная официальной историографией точка зрения не предполагала нового критического взгляда на события Великой Отечественной войны.

Подобное положение привело к тому, что сегодня мы не имеем аргументированного ответа почти ни на один важнейший вопрос, касающиеся не только отдельных партизанских операций, роли тех или иных личностей, но и истории партизанского движения в республике в целом...

Но я не историк. Свою задачу писателя документалиста видел в том, чтобы сохранить живые воспоминания о людях, событиях и фактах того времени...

Время жестоко...

В июне 2004 года приступив к работе, уже к июню 2005 года я потерял двух своих героев: Петра Федоровича Константинова, разведчика из партизанского отряда «Вперед», и Бориса Степановича Воронова, связного в начале командира партизанского отряда «Мстители» А. И. Попова, а затем комиссара бригады Н. П. Аристова. Неутомимый разведчик, «богатырь», как его называли в отряде за способность не спать сутками и ходить без еды и отдыха по несколько дней подряд, П. Ф. Константинов не успел оставить воспоминаний. А самый «молодой» и энергичный из ветеранов-партизан, до 75-летнего возраста (!) бесменно работавший водителем СуперМАЗа на вывозке леса, Борис Степанович рассказал мне о лесной войне все, что счел нужным. Однако не успел вычитать воспоминания и подписать их, как это сделали его товарищи...

Общий объем партизанских воспоминаний превысил 30 часов аудиозаписи. Они структурированы по темам: семья и занятия до войны; первые бои и вооружение лесных бойцов в 1941 и последующие годы; взаимоотношения с товарищами и жизнь на партизанской базе; походная жизнь в лесу; отношение к пленным и жестокость лесной войны... Две главы посвящены отдельным, наиболее известным операциям – разгрому финского гарнизона в Мергубе и Андроновой Горе, а также походу первой партизанской бригады И.А. Григорьева в июне-августе 1942 года.

Особый раздел книги составляет дневник комиссара партизанского отряда «Боевые друзья» П. Д. Поварова. Он предоставляет собой редкий материал для исследователей партизанской темы в Великой Отечественной войне. Ежедневные записи на протяжении (без малого) семи месяцев представляют собой уникальный документ военной поры...

Комиссарский дневник дает отчетливое представление о том, каким образом была устроена жизнь в одном из известных партизанских отрядов Карелии, как планировались и осуществлялись операции, как складывались взаимоотношения бойцов и командиров, какой на практике была их идеологическая и боевая подготовка.

Настоящая книга представляет собой уже известное читателю, но доработанное издание «Тайная лесная война. Партизанская война в Карелии 1941-1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах». Вышедшая в свет в 2007 году, она принесла автору звание лауреата Государственной премии Республики Карелия в области культуры, искусства и литературы, оказалась полезной специалистам и интересной самой широкой читательской аудитории.

Книга о партизанской войне с захватчиками в годы Великой Отечественной войны очень интересна и нужна школьникам, и студентам, и ветеранам. Убеждаюсь в этом на многочисленных читательских встречах. Интерес этот понятен. Это была скрытая, тайная лесная война, в которой именно скрытость зачастую оказывалась залогом победы. И сегодня мы должны знать об этой войне как можно полнее и больше.

Февраль 2011 года

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПУТЬ В ОТРЯД

Иностранные писатели излагают законы военного искусства не для нас, русских, а для государств, коими принадлежали они, следовательно, по масштабу и по свойству военной силы, им известной, а не по масштабу государства, коего военная сила, средства и местность, и поныне находятся за пределами понятий и расчетов их, столь резко разнятся с другими государствами.

Денис Давыдов. О партизанской войне. 1836 год.

Во время Великой Отечественной войны в списки партизанских отрядов, действующих в полосе обороны Карельского фронта, на территориях нынешней Мурманской области и Республики Карелия, с июля 1941 по октябрь 1944 года был зачислен 5101 боец (по другим данным – 5286 человек).

Это были самые разные люди – по возрасту, по жизненному и боевому опыту и готовности воевать в столь необычных условиях походной лесной войны. И если в начале войны отряды создавались по существу из знакомых, проверенных в довоенной работе, а также за месяц-два службы в истребительных батальонах людей, как правило, из партийного, советского, комсомольского и хозяйственного кадрового корпусов целых районов (Медвежьегорского, Беломорского, Прионежского, Кондопожского и других), то уже осенью 1941 года, и в особенности во второй половине войны, когда кадровый ресурс оказался исчерпан, в партизаны зачисляли кого только было возможно. Мало того, оружие стали

выдавать и тем, кого немыслимо было представить в отряде. Вот как записал об этом 8 августа 1941 года в своем дневнике политрук партизанского отряда «Сталинец», созданного в Архангельской области, Григорий Григорьевич Сажин, бывший сотрудник НКВД, погибший в бою 15 января 1944 года:

«Сформировали взвод. Едем в Югорлаг. В г. Архангельске на пересылке много хлопот. Среди бойцов много разложившихся, пьют день и ночь, подобрали со всего Ягринлага».

И хотя среди карельских партизан количество бывших заключенных оказалось, в общем, незначительным, то обстоятельство, что требования к зачислению в отряды вынужденно были снижены, повлияло и на итоговую статистику. За период войны на территории республики каждый второй партизан погиб или ранен в бою, умер от истощения и ран, был отчислен из строя по состоянию здоровья. Основные потери в 1941 году связаны главным образом с тем, что партизан использовали на передовой в качестве обычных солдат, к чему они не были готовы. В 1942 и последующих двух годах войны наиболее значительные потери связаны только с просчетами и ошибками командования. Поэтому нам представляется очень важным в первой же главе показать, с каким жизненным и боевым опытом пришли бойцы в партизанский отряд, и откуда пришли, из города или деревни, кем были их родители.

Лесная война оказалась очень жестокой, и нам важно понять, что придавало физических и духовных сил совсем еще молодым девчонкам и мальчишкам, многим из которых едва исполнилось по 17 лет, равно как и мужикам, с точки зрения военных комиссариатов, -- нестроевикам-перестаркам. Ведь им пришлось противостоять не только хорошо подготовленному противнику из регулярной армии, но и крайне неблагоприятным природно-климатическим условиям Карелии.

«МОИ НЕСБЫВШИЕСЯ СМЕРТИ»

Рассказывает Дмитрий Степанович Александров

АЛЕКСАНДРОВ ДМИТРИЙ СТЕПАНОВИЧ

Александров Дмитрий Степанович родился 21 февраля 1918 года в селе Ругозеро, в большой крестьянской семье, карел. Окончил среднюю школу, работал счетоводом-бухгалтером в колхозе и райземотделе. Участник советско-финляндской войны 1919-1940 годов. Великую Отечественную войну встретил председателем Ругозерского сельсовета.

Участник истребительного батальона, с осени 1941 года пулеметчик в партизанском отряде «Вперед». До октября 1944 года был в отряде командиром отделения, политруком взвода и комиссаром. После войны на партийной, советской и хозяйственной работе. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны и многими медалями.

Родители у меня были очень трудолюбивые люди. Соседи об этом долго потом напоминали. Помню, привезли к нам в колхоз, в Ругозеро, первую молотилку. Она была ручная, нужно крутить, а это тяжело. И снопы в нее следовало понемножку пускать, по чуть-чуть, для чего руками нужно было быстро работать. И вот председатель колхоза пришел к нам и говорит: «Елена Михеевна, ваши руки нужны туда. Очень тяжело получается. А вот вашими руками будем быстрее молотить».

Семья у нас должна была быть большая, -- я был последним ребенком и, как мне говорили родные, двенадцатым сыном у отца. Еще у него было четверо дочерей от первой жены. Однако на самом деле она была очень маленькой. При мне в доме жили только старшие братья Федор, Петр, Алексей и Василий. Все остальные дети умерли в маленьком возрасте.

Брат Василий участвовал в финской и Великой Отечественной войнах. По Ладоге на грузовике возил продукты в блокадный Ленинград, а оттуда эвакуировал детей, стариков и женщин. В 37 лет он умер.

Брат Федор был сапожник. В 1921 году, когда в Ругозере расстреляли коммунаров, финны угнали в Финляндию целую группу активистов. Среди них оказался и Федор. После окончания Гражданской войны, когда все эти межгосударственные перипетии поутихли, он вернулся на огромного размера черной лошади. Купил каким-то чудом в Финляндии. И уже не сапожничал, вступил в колхоз и со своей лошастью помогал. Вдруг его ставят председателем колхоза. После стольких лет, когда на руках только гроши, он получает 10 рублей аванс. Помню это как чудо!

В Ругозере я окончил восьмилетку, а затем поехал в Ухту (это нынешняя Калевала), и там закончил девятый и десятый классы. В 1937 году вернулся домой, в Ругозеро. Оказалось, что меня здесь уже ищут, мол, среднее образование, хотим счетоводом в колхоз определить. А я не хочу на работу. Я сразу в лес, на охоту.

С раннего детства я был охотником. У меня до сих пор где-то храниться чудо-документ. «Вы назначаетесь общественным инспектором по соблюдению правил охоты на территории Ругозерского сельского Совета...» А я мальчишка совсем, ходил в восьмой или девятый класс. Помню, гордился: «Меня, как охотника, в Петрозаводске знают!»

И вот дома каждый день стал уходить на охоту. По моей просьбе в пять часов отец будит: «Пора!» Поздно вечером возвращаюсь и сразу спать. Бывало, по двое суток бродил. Собачка у меня тогда была красивая, карельская лайка. В какой-то год на ВДНХ эту породу признали лучшей охотничьей собакой.

Ходил, ходил, но все равно поймали меня и устроили счетоводом в колхоз. Неполный год отработал, переводят инструктором-бухгалтером колхозного учета районного земельного отдела Ругозерского райисполкома. Хотя от рождения глаза у меня были очень худые, и я со школы начал носить очки. Помню, как стыдно мне было в очках ходить в школу.

Начали укреплять руководство колхозами. Моего учителя на всю оставшуюся жизнь, прекраснейшего человека, сына коммунара, заведующего райземотделом Федора Ивановича Еремеева назначили председателем ругозерского колхоза. При разговоре в райкоме партии он сказал, что пойдет, если ему разрешат взять меня с собой счетоводом. Ему ответили: «Так он у тебя работает, возьми, да и все». А Еремеев перед этим меня в дом отдыха отправил. А я и знать-то не знал, что это такое – дом отдыха. Поехал, куда сказали, а там, под Ленинградом, -- дворец Бельведер! Красота неопишная!

Возвращаюсь в Ругозеро, иду на работу в свой райземотдел, а мне говорят: «Ты у нас не работаешь. Иди в обратном колхоз». В отделе я уже и деньги получал, зарплату, а в колхозе опять на трудовень садиться... До 1939 года мы с Федором Ивановичем вместе работали в колхозе. И вдруг -- война с Финляндией!

На призывной комиссии меня не приняли. «Куда, -- говорят, – с твоими глазами». Иду по горе (село Ругозеро расположено на высокой горе над озером – прим. К. Г.) и думаю: вот вернуться ребята с войны и скажут: «Мы Родину защищали, а он с девками гулял». Домой пришел и за вещевой мешок, собираться. Мать спрашивает: «Ты чего это?» Я говорю: «Меня приняли». Она плакать... Я бегом к дому культуры. Там военкоматовский работник рассказывает призванных в машину, чтобы везти на железнодорожную станцию в Кочкому. И я тоже в машину. В Кочкоме он построил всех и по списку стал проверять. Прочитал. «Все? – спрашивает. Я кричу: «Меня не считали». Он: «Как это не считали? Записать!» Так я оказался в Петрозаводске, на улице Гоголя, в армейском штабе. Ну а там мне вручили пулемет Дегтярева, тогда еще секретный. Не знаю, с какой стороны его и в руки-то брать. Ведь и винтовки даже в руках не держал. В армии ведь не служил из-за зрения. Потом в поезд и на войну.

Но о финской войне я расскажу в другой раз. Очень интересные остались у меня воспоминания о ней. Теперь случай не тот.

Вернулся я в Ругозеро в 1940 году. Все «сватают» на работу: заведующим пунктом государственного семенного фонда, кассиром на промкомбинат, внештатным секретарем

сельского совета. Даже с метеостанции пришли с приглашением. Осенью объявляют выборы председателей сельских советов. Говорю: «Только без меня, ради Бога! Какой из меня председатель? Деревенский парень, чего я знаю?»

А в совете работала секретарем Лесонен Мария. Маленькая росточком, умная, толковая девушка. Говорю: «Вот и председатель будет!» Но нет, вцепились в меня. А Мария твердит: «Я помогу, я помогу». Так в 21 год я стал председателем Ругозерского сельского совета.

22 июня 1941 года, уже кандидат в члены партии, я заступил на дежурство в райкоме. А у нас с Марией накануне вышел разлад, хотя перед этим уже собирались пожениться. И вот поздно вечером она пришла ко мне на дежурство. Мы помирились. Ушла она, и где-то в половине пятого утра военком вызывает по телефону: «Немедленно ко мне!» Отвечаю: «Да я же на дежурстве». Военком орет в трубку: «Какое, на х..., дежурство! Война!!»

А я ничего не понимаю. Причем тут война? Какая еще война, если у меня уже свадьба назначена?! Звоню Коллиевой. Бегу к военкому. Завертелось по мобилизационному плану дни и ночи напролет: мобилизация, призыв, эвакуация...

Когда эвакуация почти подошла к концу, получаю из МВД бумагу: «Назначаетесь комиссаром истребительного батальона...» Собрали и батальон – 70 «истребителей». Вооружаемся, обучаемся, готовимся к боям.

Однажды вызывают к первому секретарю райкома А. В. Коллиевой. В кабинете заведующий военным отделом райкома Иван Петрович Мартынов и еще какой-то неизвестный мне человек. Спрашивают как-то туманно:

-- Ну, война вот, защита Родины. Ты как?

-- Да вот, говорю, закончу эвакуацию и готов. У меня есть опыт, достану пулемет и на передовую.

-- Ну, а может быть в тыл?

-- Пойду с пулеметом на передовую. Не представляю даже, что это значит -- оставаться в тылу? И каким образом?

Оказывается, под большим секретом создавался партизанский отряд. И странное у них вышло положение – как бы человеку ничего не сказать, а в отряд его пригласить. Так два или три раза меня спросили про тыл. Я ничего не понимаю и конечно отказываюсь. Какой еще может быть тыл, когда немец наступает?

Этот разговор получил продолжение, причем для меня оно могло выйти ужасное. Дальше было так. Прихожу через день домой. А я уже к свадьбе успел подготовиться. Кладовку перестроил в комнату, стены обтесал, купил деревянную кровать, окно вырубил. И вот только лег отдохнуть, в дверь стучат. Приходят И. П. Мартынов, завторготделом (не

помню его фамилии) и завскладом Кузнецов. Говорят: «Одевайся!» «Зачем? Куда?» «Там увидишь».

Идем прямо в склад. Они берут водку, закуску, то да сё. Смотрю, а там всякого добра целые горы. Вышли и прямо на склоне горы залегли в травку и наливают: «Давай!» Я говорю, что не пью. Они настаивают: «Да ты что?! Такая, мол, обстановка в стране», и прочее. «Давай!»

Выпил глоток-два и отставил стакан. Напротив меня лежит Лешошкин, он секретарем райисполкома работал. Потом он тоже в нашем отряде был, пока не перевели комиссаром в другой отряд. Лежит Лешошкин на травке, а в руках у него веревка какая-то, и он эту веревку все время дергает. Полежал так немного, потом смотрю, встает, всех нас, лежащих, обходит и позади меня становится.

Чувствую, что-то здесь не так. Поворачиваюсь и вижу, что он эту веревку вот-вот мне на горло накинет... Лешошкин молча вернулся на свое место. Я тогда ничего не понял. Потом поднялись и идем улицей по домам. Мартынов вслух говорит: «Надо было мелкашку (П) взять. Не было бы ни звука, ничего. И все было бы нормально».

А я опять никак в толк не возьму – при чем тут мелкашка? Что это значит – «все было бы нормально»?

После войны я жил у своей двоюродной сестры Ярвинен. Однажды она приходит домой вечером и спрашивает: «За что тебя хотели убить в начале войны?» Меня как колуном по голове: «Откуда ты это взяла?» «Да вот, говорит, по деревне идет Савельева Аня, работник райисполкома, и ведет разговор, что тебя должны были убить».

Я сразу к Мартынову: «Иван Петрович, хоть ты мне что-нибудь растолкуй?» Мартынов вскочил со стула, побегал по кабинету туда-сюда, а потом махнул рукой, ладно, мол, расскажу.

Оказывается, раз беседа со мной была проведена, но я отказался от предложения «идти в тыл», они решили, что я мог догадаться об их секретной работе по организации партизанского отряда. И, чтобы я не предал их великого секрета, приняли решение меня убить. Ни больше, ни меньше...

За войну было еще два случая, когда меня свои собирались прикончить. Расскажу о них в свое время.

Так летом 1941 остался я со своим истребительным батальоном в Ругозере. А тут финны нажали, нас придали пограничному полку, который действовал между Ругозером и Ондозером. Командир полка Семенов все время меня в разведку посылал. То финнов он «потерял» впереди, то в Ондозеро или Коргубу «сбегай» -- ты же, мол, местный, давай...

Вскоре наступил момент, когда Семенов пришел и говорит, что у него на передовой людей больше нету, давай истребительный батальон на передовую. Я забрал у батальонного пулеметчика пулемет, и мы двинулись на передовую. А там бои, бои, бои... После очередной разведки докладываю в штабе Семенову о положении дел. Вдруг звонок по телефону: «Финны захватили Ругозеро. Скорее отводите полк. Отход!» Семенов мне приказывает: «Срочно в Рокшозерскому мосту. Прими оборону. Будешь прикрывать отход полка».

Выхожу из штаба на дорогу, где меня ждал наш боец Терентьев с двумя лошадьми. В это время финны с конца Ругозера как дадут из артиллерии по штабу! То в одном месте снаряд по сосне ахнет, то в другом! Только вершины в стороны летят. Лошади дрожат крупной дрожью. Под обстрелом они еще не бывали, бояться.

Терентьева нигде нет. Зову его: «Ваня! Ваня!» Наконец вылез откуда-то Терентьев, скорее на лошадей и вперед. Видим: полная дорога бегущих из Ругозера. Бог знает, сколько там народу шло! Кое-как по лесу обогнали беженцев, собрали своих истребителей и к Ондозеру. Лодки на берегу все разбиты. Починили шесть штук, погрузили батальон и выплыли на озеро. Тут финские самолеты нас и поймали! Как пошли из пулеметов нас разделявать, Господи ты мой!

...Сколько в эти дни пришлось испытать событий, ни в одной книге не напишешь! И сколько повидать довелось – не пересказать. Да и слава Богу! Не все из пережитого тогда следует тащить за собой в будущее. Пусть кое-что остается там, в 1941-м.

В конце концов оказались мы с истребителями на железнодорожной станции Кочкома. Я со своим пулеметом, мои оставшиеся товарищи из батальона -- кто с чем. Не знаем, куда идти и что делать. Крутимся на вокзале.

Вдруг вижу и глазам своим не верю: Иван Иванович Вахрамеев, бывший олонекский учитель, а перед войной секретарь ЦК комсомола. Я к нему:

-- Бог тебя послал, Иван Иванович! Не знаю, куда деть ребят. Подскажи.

Вахрамеев рассказал, что Петрозаводск занят финнами, центр уже в Беломорске. Пусть, мол, все едут туда. Потом помолчал немного и добавил: «А ты отбери, кого хорошо знаешь, и с ними вон в тот лесок. Там у меня грузовая машина. Вечером будем в партизанском отряде».

Так 12 сентября 1941 года вместе со своим пулеметом я оказался в партизанском отряде «Вперед».

И. И. Вахрамеев был в нем первым комиссаром. Несколько месяцев я воевал пулеметчиком, затем меня назначили командиром отделения разведки, потом политруком взвода разведки, а незадолго до окончания боевых действий на Карельском фронте в 1944 году комиссаром отряда.

ГОЛУБЯТНИК С УЛИЦЫ КРАСНОЙ

Рассказывает Борис Степанович Воронов

ВОРОНОВ БОРИС СТЕПАНОВИЧ

Воронов Борис Степанович родился 27 августа 1924 года в Петрозаводске в семье работников железнодорожного транспорта. Трудовую деятельность начал на автомобильном ремонтном заводе. Войну встретил в истребительном батальоне. После эвакуации в Пудож, в 18 лет вступил в партизанский отряд «Мстители». Был связным командира отряда А. И. Попова, затем комиссара партизанской бригады Н. П. Аристова(У) и самым молодым участником похода первой партизанской бригады И. А. Григорьева (У) в июне-августе 1942 года. Войну закончил зимой 1944 года. Всю последующую жизнь до 75-летнего возраста работал водителем автомашины. Страстный коллекционер значков. Награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны первой и второй степени, медалью «За отвагу» и многими другими.

Б.С. Воронов погиб в ДТП в Петрозаводске 19 января 2005 года.

До войны я жил с родителями в Петрозаводске, на улице Красной. Отца звали Степан Федорович, он работал машинистом на железной дороге, мама, Августа Андреевна, была билетным кассиром на городской железнодорожной станции. Учился я неважно, больше гонял голубей, и накануне войны успел окончить только пять классов. А перед самой войной устроился работать на авторемонтный завод.

Когда война началась, на заводе начали формировать истребительный батальон. У нас работали Терентьев, Масляник, Охотин, Медведев, которые втихаря стали выезжать на полуторках в пригородные леса и зарывать в землю продукты и прочее снабжение. Они создавали базы. Мы с приятелем Димкой Вдовиным выследили их и все тайны разузнали.

Потом началась эвакуация населения и заводов. Эвакуировали на баржах в Пудож и нас. Мы оказались именно в том караване, в котором финны обстреляли и утопили баржу -- вместе со всеми, кто на ней оказался.

В Пудоже мы Димкой записались в истребительный батальон. Записались и снова оказались под Петрозаводском – батальон бросили на оборону города. Привезли в «Совхоз №2», он тогда назывался еще «финским совхозом». Это там, где сейчас расположена Петрозаводская птицефабрика.

Нас больше 100 «истребителей», все пацаны с немецкими карабинами. Был там командир, военный по фамилии Чемодаев. Батальон придали его полку. Окопы к тому времени здесь уже выкопали. Как сейчас помню, Чемодаев показывает нам на эти окопы и говорит: «Ни шагу назад! Тут вам и смерть будет, но ни шагу назад!»

Ждали финнов со стороны Пряжи, а они подошли от Ладвы, точнее прикатили на «самокатах» – велосипедах. Первого Диму Вдовина убили, нашего истребителя и моего друга. Мы с ним вместе на авторемонтном заводе работали. Убили прямо рядом со мной, в окопе. Помню свое тогдашнее состояние: скорее в бой! Скорее!

Петрозаводск сдали, и наш истребительный батальон пешком пошел в Пудож, где формировалась партизанская бригада. Шли через Медвежьегорск и Повенец, Мы шли, а нас на ЗИС-101 и «эмках» обгоняло правительство. Мне было тогда 18 лет.

В Пудоже Александр Иванович Попов формировал партизанский отряд «Мстители» и весь наш истребительный батальон целиком перешел к нему. Это был тот самый партизанский отряд, который пропал, а точнее погиб при возвращении из похода бригады И. А. Григорьева на Поросозеро в августе 1942 года.

Из этого отряда остался в живых только я один, да и то случайно. Я тогда хорошо бегал на лыжах, охотником был заядлым. Ох и любил я это дело – с ружьем по лесу побродить! А. И. Попов взял меня к себе связным. А потом в деревне Теребовской на пудожском берегу я нечаянно встретил Ивана Антоновича Григорьева. Он меня знал по отцу, с которым вместе работал.

-- А ты откуда тут взялся? – спросил он меня. – Ну-ка, ну-ка пойдём со мной.

Привел к Аристову и говорит: «Вот тебе связной!» И я у Николая Павловича Аристова остался связным. Это было уже перед походом бригады в 1942 году. А до этого всю зиму я ходил с отрядом А. И. Попова через озеро на лыжах в Шокшу, в Заонежье – Воезнаволок, Косельга и в другие деревни.

Наша база была в поселке Стеклянном, а напротив, в Шале, «шестерка» стояла. Отряды тогда не имели названия, поэтому отряд еще не был «Боевыми друзьями» а просто «шестой». Жили, где попало, – в палатках, землянки копали, в домах местных жителей. Побережье-то почти все было выселено. Марнаволок, Перхнаволок, Ялгонсельга, Пустошкина Мельница, Никиткина Мельница... Здесь стояли дома, многое из утвари и вещей было в них оставлено, хотя крестьяне все, что было для них особенно ценно закопали. В Пустошкиной Мельнице, -- а это недалеко от Шалы, по реке Шалице (ох, и рыбная была река!) жили все Пустошкины. В Никиткиной Мельнице жили все Амосовы. Там всего семь-восемь домов было. Вот на этом берегу мы и отдыхали, отсюда уходили на задания, сюда возвращались. И не всегда с легким сердцем.

«ДВУХМЕСЯЧНАЯ КОМАНДИРОВКА»

Рассказывает Михаил Иванович Захаров

ЗАХАРОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

Захаров Михаил Иванович родился 7 ноября 1922 года в Калининской (ныне Псковской) области, неподалеку от Великих Лук. В октябре 1938 года приехал в Петрозаводск, на работу на Онежский тракторный завод, работал техником-нормировщиком, специалистом техотдела, с марта 1941 года – секретарь комсомольской организации завода. В партизанском отряде «Красный онежец» с момента его формирования – пулеметчик, секретарь комсомольской организации, помощник комиссара отряда по комсомолу. После войны на комсомольской и партийной работе. Избирался депутатом Верховного Совета Карелии. Награжден орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и многими медалями.

Жили мы в Псковской области (в довоенные годы это была Калининская область), в деревне, неподалеку от Великих Лук. Отца звали Иван Григорьевич, он был 1895 года рождения, а маму Дарьей Филипповной – она 1901 года рождения. Оба самоучки. Отец ни одного дня в школу не ходил, мать тоже. Семья крестьянствовала и жили мы, в общем, неплохо. После коллективизации землю у нас отобрали и передали подсобному хозяйству завода. Отец пошел работать на производство, получал мизерную зарплату, а у мамы пятеро детей на руках. Жизнь стало очень тяжело. Семью спасал только огород.

В Петрозаводск, на Онегзавод, я приехал один, в октябре 1938 года,. Поселили меня в общежитие на улице Калинина, 2, определили техником-нормировщиком в цех № 5. Это был большой, «оборонный» цех. После учебы в институте повышения квалификации Наркомлеса, -- тогда Онегзавод входил в систему Наркомлеса, -- перевели нормировщиком в техотдел, а вскоре избрали в заводской комитет комсомола, в начале заместителем секретаря, а в 1941 году и секретарем.

Нужно сказать, что все мы в ту пору к войне готовились на полном серьезе. Это не было игрой, как это теперь иногда изображают. Каждый комсомолец обязан был сдать нормативы на значок «Ворошиловский стрелок», а девушки проходили обучение по программе «Красного креста». Не было выходных без кроссов, занятий в кружках и каких-нибудь собраний. Как тогда мы пели:

Если завтра война,
Если враг нападёт,
Будь к походу сегодня готов...

В июне я собрался в отпуск, но мне сказали: «В выходной съездишь за старшего с группой молодежи в Лососиное, на заводскую базу отдыха, а по возвращении будем оформлять отпуск». Дали бортовую машину, и мы уехали.

Нужно сказать, что дорога до Лососиного в ту пору была неважная. Это была обычная лежневка. Мы добирались туда два часа. На базе разместились, покушали и разбродились кто куда. На вечер был намечен кросс. И все было замечательно. Но вдруг телефонный звонок. Вызывает секретарь партбюро завода Николай Петрович Лукин. Голос тревожный: "Михаил, собирай команду и срочно выезжайте в Петрозаводск. Война...»

Стали собирать ребят, но двоих-троих так найти и не удалось. Выехали без них. Город уже не узнать. Выступления, песни, листовки... Все ждут выступление Сталина. Вот выступление объявляют по радио, но говорит Молотов(У). Вечером в парке культуры и отдыха организовали митинг. Я тоже пошел. Выступил Ю. В. Андропов(У), призывал молодежь идти в армию, защищать Родину.

Но призывать нас было не нужно. Мы все буквально рвались на фронт. И я тоже пошел в военкомат, просить, чтобы побыстрее отправляли. Образование в то время у меня было небольшое, семь классов, и мне предложили поучиться военному делу, поступить в пехотное училище в Великий Устюг. Нас таких собралось семеро.

Как же долго мы ехали! К фронту один за одним -- эшелоны, эшелоны, эшелоны... А мы стоим на какой-нибудь станции. Потом обратно – эшелоны, эшелоны, эшелоны... Мы все еще стоим. Добирались через Волховстрой, Вологду, Котлас, потом на пароходе по Северной Двине до Великого Устюга. Когда наконец добрались до училища, нам говорят: «Ой, миленькие, да занятия уже давно идут. Опоздали вы...»

Обратно ехали еще дольше. В Петрозаводске оказались уже после выступления Сталина(У) 3 июля. А он говорил и о необходимости создавать партизанские отряды на оккупированных территориях, «не давать врагу покоя ни днем, ни ночью».

Директора завода, секретаря парткома и меня вызвали в горком партии и сказали, что принято решение ЦК из рабочих и служащих Онежского завода скомплектовать партизанский отряд. Мне дали поручение подобрать 30-35 лучших комсомольцев, физически крепких и преданных, желательного служивших в армии и владеющих оружием. Мне это удалось. Каждого из 32 активистов-комсомольцев обсудили на комитете комсомола и зачислили в отряд. Всего в комсомольской организации завода перед войной было примерно 300 комсомольцев.

Мне самому седьмого ноября 1941 года должно было исполниться 19 лет, я ждал призыва в армию. А тут и ждать не нужно. Директор завода Владимир Владимирович Тиден(У) стал командиром отряда, комиссаром Владимир Ильич Васильев – секретарь горкома партии. Мне вручили пулемет.

Интересно, что на войну нас отправляли... только на два месяца. За два месяца вперед выплатили зарплату и сказали: «Сообщите дома, что направляетесь на два месяца в командировку». Я так и написал домой в Великие Луки. Однако вместо двух месяцев «командировка» растянулась у нас на три с половиной года.

В течение десяти дней мы изучали оружие, проходили различную подготовку. Я без конца собирал-разбирал свой пулемет. Несколько раз довелось из него и пострелять. 29 июля отряд погрузили в теплушки и доставили на станцию Масельгская. Потом на берег Сегозера, на пароход и в Паданы. Именно из Падан мы вышли в первый поход в тыл противника, на дорогу Реболы – Кочкома и к деревне Муезеро. На дворе уже был август 1941 года.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕГКОАТЛЕТИЧЕСКИЙ КРОСС 22 ИЮНЯ 1941 года

Рассказывает Иван Александрович Комиссаров

КОМИССАРОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Комиссаров Иван Александрович родился 7 июля 1922 года в деревне Талашнаволок, в месте впадения реки Верхний Выг в Выгозеро, Сегежского района Карелии. В связи со строительством Беломорско-Балтийского канала деревня попала в зону затопления, и семья Комиссаровых переселилась в Сегежу. С 1938 И. А. Комиссаров работал на Сегежском ЦБК – учеником токаря, токарем, аппаратчиком в химическом цехе. В июле 1941 года вступил в партизанский отряд «Боевые друзья», окончил курсы минеров-подрывников и до лета 1943 года воевал в качестве бойца разведвзвода. Затем назначен помощником комиссара отряда по комсомолу. Войну закончил на Дальнем Востоке в боях с японскими милитаристами. Демобилизован из рядов Советской Армии после излечения в госпитале в марте 1946 года.

После войны И. А. Комиссаров на партийной, советской и хозяйственной работе в республике. Награжден двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Родился я и детские годы провел в деревне Талашнаволок, в месте, где река Выг впадает в Выгозеро. Место это, где река подходит к озеру, словно большой пролив, и называлось оно «салма». Деревня стояла на северной стороне салмы и была русская, у нас жила только одна карелка. Но карельские женщины охотно выходили замуж за наших мужиков. По семейному

преданию, карелка была женой моего прадеда, бабка Дарья. А вот уже у деда жена была русская, хотя и тоже Дарья. Мой дед по матери, Семен Березин был высокий, стройный светловолосый красавец. Такой же статной красавицей была и моя бабка по матери. Когда я родился, они уже были старые.

Отца моего звали Александр Михайлович, маму Александра Семеновна (в девичестве Березина). Родители занимались сельским хозяйством, которое было у нас мизерным. Собственного хлеба хватало месяца на три и то не каждый год. Часто в начале лета бывали заморозки, и хлеба перемерзали.

Жили в основном озером и лесом, охотились, рыбачили, собирали грибы и ягоды. Занимались также отхожими промыслами – заготавливали и сплавляли лес.

С началом 30-х годов у нас в деревне и в колхозе начали проводить общие собрания и агитировать на переезд. Объясняли, что будет построен канал, деревня окажется в зоне затопления и утонет. Нужно разбирать и переносить в другое место дома.

Мой дед по отцу Михаил Павлович Комиссаров был человек по-настоящему лесной, лес очень хорошо знал и очень берег. Его в деревне считали даже колдуном, он умел лечить скот и женщин. Дед обязательно ходил на все собрания и брал меня с собой. Почему-то из всех внуков он выделил меня, везде водил за собой, обо всем, что я мог понимать и запоминать, рассказывал, и запомнил я многое. Почему он выбрал меня себе в «приближенные», я не знаю. Но помню эти собрания.

Однажды на одном из таких собраний представитель местной власти Корнилов Андрей Митрофанович снова стал говорить про будущий потоп в деревне. Мой дед начал перечить. «Не верю, -- говорит. – Большевикам перекрыть Выг не удастся! Царя выгнали, но ведь царь – человек, мужик, того можно выгнать. Но Выг перекрыть – такой силы не хватит у советской власти! Бревно падает в Надвоицкий падун и пополам ломается на камне. Где же тут его перекроешь!»

Подошло время, в 1932 году канал в основном построили, и вода стала подниматься. Дед так никуда и не поехал и дом ломать не дал. Он и жил в этом доме до тех пор, когда лодку приходилось уже к крыльцу привязывать. И немного погодя дом наш и вовсе водой унесло.

Мы, да и многие другие жители Талашнаволока, может быть, и переехали бы на другое место, если бы его выбрали поудачнее. Но нашу деревню перевезли в Ворожгору. Глухой темный ельник вокруг, в котором ничего не растет, никакой воды поблизости нету. Дома мы жили в 50 метрах от берега, а тут ни реки, ни озера. Поэтому на новое место перебрались только те, кому и вовсе деваться было некуда.

Отец перевез нас в Сегежу. Мы поселились на так называемом «700 пикете», что в километре от Сегеже на север. Поскольку «организованно» мы переезжать отказались, нам никаких денег не дали и здесь не помогли.

Первый год в Сегеже мы жили очень трудно, в углу какого-то барака. Отец у меня служил в царской армии, после революции вернулся домой и работал стрелочником, потом снова ушел воевать, теперь на Гражданскую войну, и снова работал на железной дороге. А когда я закончил семилетку, отец умер.

Жить стало вообще не на что, и я пошел работать на бумкомбинат, учеником токаря. Комбинат расширялся, модернизировался, монтировалось новое оборудование, жизнь в коллективе бурлила. Через несколько лет, к началу войны, я работал уже старшим аппаратчиком, прошел обучение по курсу помощника машиниста. Мы все очень серьезно готовились к войне и много чего успели. Я занимался лыжами, плаванием и стрельбой, имел по стрельбе первый разряд, досконально знал все виды оружия, состоящие на вооружении пехоты.

Однако с армией у меня возникла большая проблема. Во время нашего переезда из деревни в Сегежу куда-то пропали документы. И когда пришла пора получать паспорт, оказалось, что моей метрики нету. Стали разыскивать и не нашли. Тогда определили мой возраст «медицинским путем», заявили, что 16 лет мне еще нет, а есть только 15. Так я стал на один год моложе своего настоящего возраста. У брата тоже с этим вышла проблема: он с 1925 года рождения, а на войну взяли с 1924-м.

Хорошо помню начало войны. В воскресенье, 22 июня 1941 года, был объявлен всесоюзный легкоатлетический кросс. Он проводился везде, по все стране. В Сегеже 22 июня оказалось первым теплым днем. В тот год весна у нас оказалась очень холодной. И вот иду по дистанции и чувствую, что у меня хорошо получается, никого уже не обгоняю, думаю, первым приду. А оказалось, мои соперники, как узнают, что война началась, так с дистанции и сходят. Пришел я на финиш радостный, а мне говорят: «Иван, война сейчас».

Нас, комсомольцев, было много на бумкомбинате, и всех распределили на оповещение – приглашать людей на общегородской митинг. Вот на этом митинге мне в первый раз пришлось выступать перед большим стечением народа. Я был щупленький, в рубашке с коротким рукавом и легких штанишках. Помню, когда завершил выступление словами, что, когда нас позовут, не пожалеем своей жизни для защиты Родины, старушка рядом как заревет в голос. Наверное подумала: да, если уж такой станет на защиту, то, конечно, победим...

А 15 июля меня уже зачислили в партизанский отряд и отправили в Медвежьгорск на курсы минеров-подрывников. Отучился, вернулся домой. А комбинат всю эвакуировали,

демонтировали оборудование, грузили в баржи. А поскольку я помощник машиниста паровой машины, то до 15 сентября работал на погрузочном кране, с машинистом Желнаковым, хорошим пожилым мужиком, которого из-за возраста не брали в армию.

15 сентября наш партизанский отряд «Боевые друзья» собрался в Медвежьегорске и вышел в сторону Поросозера. Нас отправили в подкрепление 126-му стрелковому полку, которым командовал майор В. И. Валли (У). Там, у Поросозера мы впервые увидели вблизи, что такое война. Там же понесли первые жертвы, познали горечь отступления, приобрели первый боевой опыт. В этих оборонительных боях меня в первый раз тяжело ранило. Молодые ребята предвоенного поколения, мы очень спешили на войну. Нам казалось, что можем не успеть повоевать, и от того потом будет обидно. Но успели, успели.

МОЯ РОДНАЯ «ЧЕТВЕРКА»

Рассказывает Петр Федорович Кузнецов

КУЗНЕЦОВ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ

Кузнецов Петр Федорович родился 23 июня 1923 года в деревне Улялеги, что неподалеку от Эссойлы, в большой крестьянской семье, карел. После окончания семилетки поступил в петрозаводское педучилище, затем в пединститут. После эвакуации в Пудож был направлен на оборонные работы, а затем зачислен в партизанский отряд «За Родину». Участник похода первой партизанской бригады в июне-августе 1942 года, в котором был тяжело ранен. После войны работал в МИД Карело-Финской ССР, исполнительных органах власти республики. Награжден орденами Отечественной войны первой степени, Трудового Красного Знамени, медалью «За отвагу» и многими другими.

Деревня, где я родился и вырос, расположена всего километрах в шести от Государственной границы СССР и называлась по-карельски Ювякюля, что означает «деревня от реки». Правда, потом ее почему-то стали писать как Улялега. Это рядом с рекой Шуйей, за современной Эссойлой, на северном берегу Шотозера.

Семья была большая, семеро детей, и только пятеро из нас выжили. Я был самым младшим, и в 1937 году закончил в деревне школу-семилетку и поехал в Петрозаводск поступать в училище. Но возраст у меня оказался не подходящим, пришлось возвращаться домой и помогать матери по хозяйству. Отца к тому времени у меня уже не было.

Отец был старше моей матери больше чем на 20 лет. История их женитьбы очень интересная. Рассказывали, что однажды молодым парнем мой отец оказался в другой

деревне, в доме, где в тот день родилась девочка. Отец посмотрел на младенца и сказал: «На этой девочке я женюсь». Все думали, что он пошутил. Ан, нет. Отец дождался, пока девочка вырастет и взял ее в жены.

Мы в деревне всегда очень много работали. Сколько себя помню – все работа, работа, работа. Отец у меня так во время работы и умер. Целый год я помогал матери, а потом снова поехал в Петрозаводск определяться на учебу.

А в это время что-то здесь переменялось. Куда не приду, всюду требуют знание русского языка. У нас в деревне по-русски не говорили, и я, разумеется, русского не знал совсем. А было мне в ту пору 15-й год. Прихожу на экзамены, стою перед комиссией и вижу, что половина сидящих понимает, что я говорю, но... молчит. «Говори по-русски!» В одном месте нас с приятелем не приняли, в другом. Оказались в педучилище, хотя быть учителями и не хотели. Снова экзамен перед комиссией. Точные науки сдаю без всяких проблем, а на устных экзаменах хоть плач.

И вот в педучилище за меня вступилась одна из членов комиссии. Она и до войны и после войны преподавала, кажется, географию, очень авторитетный специалист. Так я поступил на учебу. Это был 1938 год.

Преподаватели договорились между собой дать мне полгода на изучение русского языка. Не спрашивать это время. А одна из наших преподавательниц, финка, приводила меня к себе домой и буквально по словам учила русскому: «Это так, это так...». Через три месяца я уже понимал по-русски любой разговор, а во второй половине первого учебного года учился на четверки и пятерки, как все.

Накануне войны я закончил педучилище и поступил в пединститут, успев сдать самые первые экзамены. На фронт меня не взяли – не хватало года. Мой старший брат Василий в это время занимался радио и радиофицировал Петрозаводск. Когда со стороны Деревянного финны подошли к городу, он погиб в обороне.

Мы с друзьями сходили в военкомат, в ЦК комсомола, к Ю.В. Андропову, но везде нам говорили одно и то же: «Подождите, дойдет время и до вас». Но разве можно ждать? И мы самостоятельно отправились на линию обороны. Шли по каким-то лежневкам, мимо каких-то деревень... Но на линии обороны нам воевать не позволили, дали лопаты и велели копать ходы сообщения. А через некоторое время команда на отход, причем быстрый, стремительный. Вокруг Петрозаводска уже оказалось кольцо из наших войск, проверка документов, нервозность.

Началась эвакуация по озеру. Нас посадили на баржи и потянули буксиром на юг, к Свири. Помню, разыгрался сильный ветер, поднялся шторм, громадные волны. И где-то в районе шелтозерских деревень у одной из барж лопнул буксирный трос. Баржу поставили на

якоря, и буксир ушел, как нам сказали, ремонтироваться. Наша баржа была первой в караване, и когда буксир вернулся, он взял нас, объявив, что за второй вернется, мол, две баржи буксирный трос не выдержит. А когда мы отправились, вторую баржу порывом ветра сорвало с якорей и выбросило на берег. Оказалось, берег занят финскими войсками, и всех, кто был на барже, со всем грузом, финны забрали. Еще бы несколько минут, и там же, в руках финнов, могли оказаться и мы.

В течение нескольких дней мы оставались в устье Свири. Затем из нас отобрали человек шесть-восемь и дали поручение отправиться по каналу вдоль Онежского озера с военным грузом для Пудожа. Там были какие-то ящики, 50 пар обуви, продукты. При этом сказали, что если по каналу пробиться не удастся, груз следует передать воинской части. Так мы и сделали, а сами добрались до Пудожа.

В Пудоже местное население с побережья было выселено. Велись большие работы по строительству подъездных путей к причалам, сооружались укрепления. Ждали потока эвакуированных грузов из оккупированных районов республики.

Нас тоже определили на работу, причем меня назначили старшим. Мы возили бревна, строили лежневки и мосты. Иногда налетали финские самолеты, бомбили и обстреливали, но особого урона не нанесли.

Однажды ко мне подошли и объявили, что я зачислен в армию, что теперь могу «считать себя военным». А тут объявили по радио, что немцы вплотную подошли к Москве, идут ожесточенные бои. Я решил, что раз уж я военный, пойду проситься на фронт, под Москву. Пошел в местный совет. Там мне сказали, куда обратиться. Показал документы, рассказал, откуда и где уже побывал. Мне ответили: «Хорошо. Мы зачисляем тебя в партизаны». Я же не знал, что в это время в Пудоже формировалась партизанская бригада.

А я отвечаю: «Какие партизаны? Я же хотел под Москвой воевать. Слышали, фашисты уже на Москву идут!» Мне отвечают: «Здесь они идут тоже. Как-то надо их остановить, или нет?»

Вернулся в общежитие, все свои вещи, часы и вообще все, что у меня к тому времени накопилось, раздал товарищам, а сам налегке пошел в партизаны. На мне был только полусубок и ботинки, больше ничего. В отряде меня встретили: «Ну вот, ты уже и партизан».

Я попал в партизанский отряд, в котором воевал до конца войны. Тогда он назывался просто: «четверка», «четвертый». Только потом, после бригадного похода, осенью 1942 года, он стал называться «За Родину». Хотя все равно партизаны знали, что это все та же «четверка».

САМАЯ МОЛОДАЯ ПАРТИЗАНКА КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА

Рассказывает Наталья Никитична Пастушенко (Сидорова)

ПАСТУШЕНКО (СИДОРОВА) НАТАЛЬЯ НИКИТИЧНА

Пастушенко (Сидорова) Наталья Никитична родилась 30 сентября 1922 года в деревне Онигма ныне Сегежского района в большой крестьянской семье, карелка. После окончания восьми классов средней школы начала работать в начале МТС, затем в редакции районной газеты «Ругозерский коммунист», литературным сотрудником приложения на финском языке. С началом войны зачислена в партизанский отряд «Вперед» медицинской сестрой первого взвода (взвод разведки). В этом качестве воевала до октября 1944 года. После войны на партийной работе, затем трудилась в медицинских учреждениях Карелии. Награждена орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и многими другими.

Родилась я в карельской семье на хуторе Онигма, что примерно на полдороги от Кочкомы до Ругозера. У нас было всего шесть домов, причем в четырех домах жил три наши брата: старший Филипп, средний Иван и младший Никита, мой отец и старик Иван Иванович. Еще два дома стояли отдельно, в двух километрах.

Отец Никита Семонович был совершенно неграмотный крестьянин -- колхозник 1888 года рождения. Мама Пелагея Семеновна, тоже колхозница, родом из Коргубы. В то время мимо Онигмы, по Ругозерскому тракту проходила дорога из Повенца на север. Девчонкой помню, как вели по ней заключенных на строительство Беломорско-Балтийского канала. Вспоминается, например, колонна священнослужителей. Одного священника почему-то оставили у нас на хуторе. Уж не знаю, почему. Кажется, он не мог идти дальше из-за сбитых ног. Он любил заниматься с детьми и был удивительно добрым. Помню колонну распущенных, разбитных женщин-проституток.

Весной 1938 года моего отца репрессировали. И вообще всех мужиков до 17 лет на нашем хуторе забрали. Особой «тройкой» НКВД КАССР от 22 сентября 1938 года его осудили по статье 58, п.2 и 6 и расстреляли 2 октября того же года около Ругозера. Нам же прислали извещение, что отец «умер по болезни». Отца и остальных Сидоровых реабилитировали в 1958 году.

В то время я закончила в Ругозере восьмой класс, но о дальнейшей учебе мне думать было нечего – дочь «врага народа». Директор МТС взял меня к себе на работу секретарем. Так и жили: мама на хуторе в Онигме, я у хозяйки в Ругозере, брат Миша в Петрозаводске, студентом первого курса лесотехникума. Я хорошо знала финский язык и меня пригласили

на работу в редакцию районной газеты «Ругозерский коммунист». Газета выходила на двух языках – русском и финском, и мне поручили заниматься финскими страницами.

Началась война. Мишу взяли на оборонные работы. Мама потом писала мне с хутора, что с оборонных работ Миша вернулся домой голодный, грязный и вшивый. Только-только она его отмыла и передела, призвали в армию и отправили на фронт, откуда он уже не вернулся.

В июле-августе 1941 года в Ругозере начали формировать партизанский отряд. Записалась туда и я. С седьмого сентября 1941 года по октябрь 1944 года я была медицинской сестрой в партизанском отряде «Вперед».

В 1943 году нас, четверо девушек из Карелии, направили в Москву на всесоюзный слет партизан всех фронтов. Там были Наташа Малая, Клава от подпольщиков, Вера и я. Вера была с высшим образованием, учительница, и ее оставили в Москве, в ЦК комсомола.

Мы все ждали выступления Сталина, но он извинился, что не может придти в связи с наступлением под Ленинградом. Тогда как раз освободили город Пушкин, и Москва салютовала артиллерийскими залпами. Помню, как белорусские и ленинградские партизаны удивлялись и не верили, что мы в Карелии воюем в таких жестких условиях. У них-то не только свои хутора и села, а целые районы на оккупированной территории были. Они всегда могли в походе найти место для отдыха и питание. Нам приходилось все свое носить на спине сотни километров.

За войну меня наградили медалью «За боевые заслуги», орденом Красной Звезды, несколькими почетными грамотами Верховного Совета, Президиума Верховного совета и ЦК комсомола Карелии. Позже вручили орден Отечественной войны второй степени и медали.

На параде партизан в Петрозаводске восьмого октября 1944 года меня пригласили на трибуну как самую молодую партизанку Карельского фронта, и я с трибуны смотрела, как идут по площади мои боевые товарищи, мой отряд. С ними я прошла тысячи километров, была в 25 многомесячных боевых походах во вражеский тыл.

ЯРОСЛАВЦЫ

Рассказывает Сергей Павлович Татаурщик

ТАТАУРЩИКОВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ

Татаурщик Сергей Павлович родился 21 марта 1923 года в Ярославле. В 1941 году окончил среднюю школу, работал секретарем комитета комсомола на Ярославском

механическом заводе, в аппарате Ярославского обкома ВЛКСМ и секретарем райкома комсомола. Окончил спецшколу Центрального штаба партизанского движения в Москве (ЦШПД), с 1942 года политрук взвода партизанского отряда «Железняк». После войны на комсомольской и партийной работе. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и многими медалями.

Родился я и жил до войны в Ярославле. В 1941 году окончил среднюю школу. 17 июня у нас был выпускной вечер, а 22-го, как известно, началась война. Год у меня был призывной, мы знали, что поступить учиться в гражданский институт нам не удастся. К тому времени Сессия Верховного Совета СССР приняла закон о всеобщей воинской обязанности. Все чувствовали, что война на носу.

Но учиться хотелось, и я подал документы через военкомат сразу в два военных учебных заведения, причем выбрал наугад, ничего не зная о будущей специальности. Одним вузом оказалось морское военно-инженерное училище, вторым военно-морская медицинская академия. Оба в Ленинграде и из обоих пришел вызов: «Зачислены кандидатом, экзамены тогда-то, с собой иметь то-то».

Подумал, какая теперь учеба, и пошел в военкомат забирать документы. Но мне говорят: «Нет, пойдешь учиться. Выбирай, в какой вуз проездные оформлять?». Выбрал военно-медицинскую академию, поехал. Первые дни войны. Ленинград в тревожном напряжении. Частые зенитные залпы – на город уже начались налеты вражеской авиации.

В академии объявили, что вступительных экзаменов не будет. Прием по конкурсу аттестатов об окончании средней школы. Аттестат у меня был хороший, по-моему, только одна четверка была по русскому языку, остальные пятерки. Мне сказали: «Вот пройдешь медицинскую комиссию, и будешь принят». И случилось то, чего я никак не ожидал: комиссия меня забраковала. Там такой жесткий оказался отбор!

Но я не очень сожалел. Сама обстановка прифронтового военного города действовала на меня угнетающе. Помню, купил батон хлеба и пачку «Беломорканала» -- тогда я начинал баловаться куревом, сел в поезд и поехал домой. Думал, в поезде или на станции что-нибудь из еды перехвачу, -- ехать-то всего несколько часов. А ехать пришлось двое суток! При этом никакой еды нигде не продают. А у меня только один батон. Вот тогда я впервые испытал, что такое голод.

Дома в Ярославле военкомат решил направить меня в военное училище. Я взял документы и пошел к друзьям-одноклассникам прощаться. Вот подошел к дверям одной девчонки, помню, дернул дверной звонок... и потерял сознание. Когда падал, ударился головой о приступок у двери и чудом не погиб. Вызвали «скорую», забинтовали, дали

лекарства, и в таком виде я явился в училище. Там посмотрели на меня и с порога повернули обратно. И вот когда во второй раз меня не приняли в военное училище по здоровью, военкомат оставил попытки сделать из меня кадрового военного.

Нужно сказать, что к окончанию школы я был секретарем комсомольской организации, школьником же стал кандидатом в члены партии. В ту пору это было редкое явление. В нашей школе таких было всего двое: я и мой предшественник на секретарском посту Виктор Захаров. И как известного в городе комсомольского активиста, меня направили секретарем комитета комсомола механического завода. Оттуда перевели инструктором обкома комсомола. Через непродолжительное время избрали первым секретарем Кагановического райкома комсомола города Ярославля. И вот недолго пребывая в этой должности, получил телеграмму из ЦК комсомола за подписью первого секретаря Михайлова(У). Текст ее помню дословно и поныне:

«Обкомол. Первому секретарю Костакову. Предлагается вам отобрать группу добровольцев из числа комсомольцев и молодежи, в количестве 50 человек. В их числе должен быть секретарь райкома комсомола – на должность комиссара группы. Снабдить их тем-то, тем-то и тем-то, вплоть до финских ножей и направить в ЦК ВЛКСМ...»

Я прихожу к первому секретарю обкома комсомола и говорю: «Владимир Никитич, держать меня бесполезно. Военкомат меня бракует, время идет, а среди секретарей из мужского пола я у вас второй, -- первый старше меня, больной и непризывной. Мне надо ехать, тем более, в телеграмме ЦК об этом говорится. Я как раз подхожу».

Привез группу в Москву, откуда нас доставили в спецшколу МВД, в город Покров, в Подмоскowie, и в течение 26 дней обучали приемам обращения с различными типами оружия, включая иностранное, основам подрывного дела и борьбе в тылу противника. До сих пор помню наказ одного из инструкторов: «Если будут преследовать, первое, что вы должны сделать – убейте собаку».

В школе работала мандатная комиссия. Ее целью было отобрать людей надежных и выбраковать ненадежных. Возглавляла комиссию одна из сотрудниц Центрального штаба партизанского движения Сысоева – женщина очень боевая. Все допрашивала меня: «Ну почему тебя два раза не приняли в военное училище и браковали по здоровью? А вот тут-то как? А вот если попадешь к немцам? Выдержишь ли?» Я во все эти рассуждения – «если да кабы» – пускаться не стал и отвечал односложно: «Это случайно». «Я здоров». «Выдержу».

Это была жесткая, даже унижительная проверка, основанная на психологическом давлении. И некоторые ее не выдерживали, допускали слабинку. Расплата следовала немедленно. На следующий день выстраивали всю школу и под барабанный бой этого откровенного в своих сомнениях парнишку возвращали в комсомольскую организацию,

которая его послала учиться, но с уведомлением: «струсил...» Помню, что для нас это было шоком.

После окончания спецшколы вернулись в ЦК комсомола. Михайлов вышел с поздравлениями. Ребята ему говорят: «Николай Александрович, шампанского бы надо по такому случаю». Он настроение поддержал: «Вернетесь с победой – пробка в потолок!»

Нашу группу снабдили богатым военным снаряжением. Дали толовые шашки, гранаты и автоматы, которых в партизанских отрядах еще не было. Командный состав получил американские «кольты». Выдали и хороший харч на дорогу. Мы погрузились в отдельный пассажирский вагон и через Обозерскую направились в Беломорск, в штаб партизанского движения Карельского фронта.

Это было в начале июня 1942 года.

В Беломорске встретились с начальником штаба С. Я. Вершининым (У), тогда еще комбригом, а позже генерал-майором, начальником военного отдела ЦК компартии КФССР Н. Ф. Карахаевым (У) и секретарем ЦК ЛКСМ КФССР Ю.В. Андроповым.

-- Это все ярославцы? – спросил Андропов. – Откуда?

-- Все ярославцы, -- отвечаю и рассказываю, кто из ребят где работал.

-- А вы где работали? – интересуется у меня. Я рассказываю, где довелось поработать за этот первый военный год.

-- О-о-о, да вы ведь уже комсомольское начальство, -- удивляется Андропов. Но я отвечаю, мол, какое там начальство, если на каждой из должностей оставался считанные месяцы.

Интерес Ю.В. Андропова к нашей группе был понятен. Мы оказались земляками. Правда, разница в возрасте была весьма заметной: в 1938 году, когда он стал первым секретарем Ярославского обкома комсомола, меня только приняли в комсомол.

Группу пополнили десятком подрывников из другой спецшколы, бойцами, по разным причинам (ранения, болезни и так далее) отставшими от своих отрядов и перебросили в Сегежу. Так был сформирован наш партизанский отряд «Железняк». В нем было три взвода. Меня избрали секретарем комсомольской организации отряда и назначили политруком взвода разведки. Позже, когда ввели институт помощников комиссара по комсомолу, эту обязанность также так же возложили на меня.

Завершая представление своего недлинного предвоенного пути, хочу рассказать о родителях. Оба они – и мама Лидия Геннадьевна, и отец Павел Александрович были коренными ярославцами и работали простыми бухгалтерами. Кроме меня в нашей семье был еще один ребенок – моя сестра. Во время войны в наш город стало поступать много детей из блокадного Ленинграда. Они были больные, изможденные, потерявшие родителей. Мой

дядя, директор школы, которую с началом войны преобразовали в школу-интернат, часто приходил к нам и подолгу рассказывал, как ему жалко этих детей и какие они болезненные и несчастные. Особенно много он рассказывал об одном умненьком, ласковом, добрым «мальчишонке», который своей крохотной душой искал привязанности у кого-нибудь из взрослых.

И вот дядя все приходил и все рассказывал об этом мальчике, а я точно знал уже, что уйду на войну. А потом стала известна и дата отправки. Мы с сестрой уговорили маму, а потом и отца взять мальчишку в семью, усыновить. Они так и сделали. О себе он мог рассказать только следующее: «Зовут меня Толик, фамилия Иванов, мне 3 года, мама Клава».

Мальчишка закончил школу, медицинский институт, работал в Новосибирске, в знаменитом Научном городке, а потом, по линии все того же известного всему миру Министерства среднего машиностроения СССР, был переведен в Обнинск, где работал начальником Обнинской медсанчасти. Учитывая, что это все-таки Обнинск, статус у него был, условно говоря, как у министра здравоохранения.

Мой брат, к сожалению, уже умер. Исполняя профессиональный долг, он значительное время работал в Чернобыле, получил сильную дозу облучения, стал болеть сердцем и до 60 лет не дожил. Во время пышных похорон, при огромном стечении людей его жена обратилась ко мне с просьбой: «Расскажите о нем правду». Оказывается, брат никому никогда не говорил о своем сиротстве. И я рассказал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРВЫЕ БОИ

Еще Россия не поднималась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь поднимется!

Денис Давыдов. О партизанской войне. 1836 год.

Первые бои, первая кровь... Не только политическому и военному руководству республики, но и самим партизанам в первые месяцы войны приходилось учиться планировать и проводить военные операции. Необходимо было понять, как воевать с врагом

с наименьшими потерями. И, кроме того, в неразберихе и ужасе отступления им еще предстояло осознать свою особую роль, отдельную от регулярной армии миссию в войне.

На севере республики (Кестеньгское и Ухтинское направление), на Ребольском направлении, в центральной части, при обороне Медвежьегорска, и на юге в начальный период войны партизан использовали для «затыкания» многочисленных «дыр» в обороне армии. Как вспоминал первый секретарь ЦК ВКП (б) Карело-Финской ССР, член Военного Совета Карельского фронта Г. Н. Куприянов, в первые месяцы войны «убыль людей в партизанских отрядах была большая. Они несли потери в боях с противником и вынуждены были посылать людей группами и поодиночке в распоряжение командиров частей».

Эту практику пришлось прекращать специальным приказом по фронту, иначе отрядам грозило «растаскивание» по армейским подразделениям. Известен факт, когда командир 27-й дивизии генерал-майор Г.К. Козлов настоятельно требовал у Военного Совета Карельского фронта разрешения передать ему партизанский отряд «Вперед» в качестве разведроты. Генерал был буквально покорен мужеством и стойкостью партизан в оборонительных боях с 14-й финской дивизией в районе Большой Тикши.

И именно в эти первые полгода войны система официальной документации и, в том числе, статистики о партизанской войне в Карелии только формировалась. Отдельные факты и события боевых действий партизан фиксировались в структуре НКВД, однако, как правило, это происходило случайно, по собственной инициативе отдельных командиров и комиссаров.

Уже в первые дни войны едва прошедшие стадию формирования и как попало вооруженные партизанские отряды продемонстрировали удивительную стойкость. Достаточно сказать, что именно благодаря истребителям и партизанам Суоярви, Петрозаводск был оставлен нашими войсками на два с половиной месяца позже, чем это могло произойти в ситуации, возникшей с его обороной регулярной армией. Так же мужественно, бок о бок с бойцами истребительных батальонов, дрались партизаны при обороне Медвежьегорска. И в том, что до конца войны противник только один раз, да и то ненадолго, перешел за линию Беломорско-Балтийского канала в Повенце, также немалая заслуга партизан Карелии.

ПУЛЕМЕТЧИКИ

Рассказывает Дмитрий Степанович Александров

Партизанский отряд «Вперед», как, вероятно, и другие, был создан прежде всего из партийного, советского, комсомольского и хозяйственного актива. Так в то время называли работников райкомов партии и комсомола, райсоветов, руководителей и передовиков различных предприятий. К примеру, в начале пулеметчиками в отряде были Иоганн Кангас и Август Стурман. Кангас из руководящих работников района, с его сыном мы после войны встречались в Ледмозере, а Стурман стахановец Ругозерского леспромхоза, литовец. В годы интервенции Август воевал за советскую власть и был награжден орденом Красного Знамени. Третьим пулеметчиком стал я.

Август был рослый, очень сильный и беспредельно смелый человек. Мы его любили и почему-то называли «полковником». Все к этому прозвищу так привыкли, что однажды произошла смешная история. Во время тяжелейших боев под Паданами командир полка Семенов, к которому мы были приданы, вызвал Стурмана к себе. Неизвестно, для чего. Может, спасибо хотел сказать за то, что хорошо воюет. Август прибежал в штаб и докладывает: «Товарищ майор, «полковник» Стурман по вашему приказанию прибыл». Семенов за живот схватился от хохота.

А вообще память от тех боёв под Паданами у меня очень тяжелая. Представьте, нас в отряде осталось 40-50 человек, и мы должны остановить продвижение финнов к Ругозеру. У противника артиллерия, авиация, регулярные войска, батальоны хорошо обученных и вооруженных солдат, а у нас, мало того, что большинство гражданских людей, так еще и ни одного автомата.

Помню, идет непрерывный изматывающий бой. Кажется, не будет ему конца. И вдруг маленькое затишье, передышка. Стурман и Кангас перебежками подобрались ко мне.

-- Чего это ты, Митя, здесь залег? Плохое место. Переместиться бы тебе надо.

-- Нет, командир мне сказал, здесь находиться.

-- Давай, давай переходи. Плохое место.

Стурман достает флягу, встряхивает над ухом:

-- Чуть-чуть осталось. Давай выпьем, а то убьют, и водка противнику достанется.

А у меня такая же фляга, только совсем не тронутая. Думаю, мужики узнают – напьемся, и то-то хороши будем, вояки. Выпили. Стурман горячо говорит:

-- Ну, ребята, надо держаться! Держаться! Поможем. Только на нас, пулеметчиков, опора отряда.

И кто его знает, почему так вышло. Накануне «второй номер» Стурмана погиб, и откуда-то ему сунули в помощники недавно пришедшего в отряд новичка. И этот новичок под огнем растерялся, сбежал куда-то. Некому заряжать пулеметные диски. А бой идет, страшный бой. И вот уже Стурмана ранили в голову, кровью все лицо залило, и сознание, видимо, стало путаться. Слышу, Август стал кричать:

-- Давай, давай, идите! Я столько лет... Я двадцать два года после Октября строил свое укрепление. Выдержит!

Август Стурман лежал с пулеметом за большим массивным камнем. И вот хлопает по этому камню рукой и кричит в сторону финнов:

-- Выдержит мое укрепление! Выдержит! Я двадцать два года строил!

Потом видим, схватил пулемет и побежал в сторону финнов. Прямо под их огонь. И вскоре погиб. И Кангас тоже погиб. Пулемет Кангаса мы отдали Мише Евсееву, а пулемет Стурмана так и остался там, за линией нашей обороны.

К слову сказать, третий пулемет мы добыли еще в истребительном батальоне, когда из Черного Порога бежали от наступающих финнов в Кочкому. Сцена там произошла для нас удивительная. Бежим с ребятами и видим, немецкий самолет в пике заходит над дорогой. Мы сразу разбежались по обочинам, стоим, пережидаем налет. А по дороге собака бежит. И летчик за этой собакой начал гоняться. Пикирует и поливает ее из пулемета. Мы удивляемся: «Вот это да!» Наших самолетов нигде нет, и немецкий самолет в воздухе чувствует себя хозяином. Потом смотрим, а летчик так увлекся погоней за собакой, что не смог выйти из очередного пике, и в сосну со всего размаху как ахнет!

-- Собака самолет сбила! Собака самолет сбила! – кричим мы от радости и бегом туда. Вот с этого самолета мы пулемет и вывернули. Для партизанского отряда он оказался третьим по счету*.

Помню и первый автомат в нашем отряде. К нам на передовую у Тикши прислали партизанский отряд Волкова из Ленинграда (П). Потом они с нами даже в тыл ходили. И один из бойцов Волковского отряда «перебежал» к нам, ходил с нашим отрядом несколько раз на боевые задания во вражеский тыл. Как-то раз возвращаемся мы из похода. Комиссар ленинградского отряда со своим помощником приходит к нам и говорит:

-- Верните нам нашего бойца.

Наши отвечают, мол, пусть сам определится, где ему лучше. С вами, так пусть идет к вам, с нами, так пусть остается. Вызвали того парня. Высокий такой, круглолицый, очень он нам понравился. Хороший парень. «Волковцы» говорят:

-- Ребята скучают, просят тебя вернуться. Ты – как?

Парень смущается, мол, больно мне карелы понравились.

-- Разрешите оставить им на память автомат? У нас снайперские винтовки, автоматы, а у них ничего этого нету.

В то время автоматов на всем Карельском фронте ни у кого не было, не то, что у партизан. И тогда комиссар ленинградцев нашему комиссару свой автомат повесил на шею. Так мы получили в отряд первый автомат.

* Существует и другая версия этого реального события. Медсестра партизанского отряда «Вперед» Н. Н. Сидорова (Пастушенко) утверждает, что самолет был сбит пулеметным огнем А. Я. Стурмана, чего в тех условиях мог и не видеть Д.С. Александров. Эту версию подтверждает Г. Н. Куприянов, в годы войны член Военного Совета Карельского фронта и первый секретарь ЦК ВКП (б) Карело-Финской ССР. В книге воспоминаний («За линией Карельского фронта», с. 25) он пишет: «Стурман Август Янович, рабочий тракторной базы, при налете противника на Ругозеро сбил из трофейного пулемета немецкий самолет Ю-88».

САМЫЙ ХРАБРЫЙ КАРЕЛЬСКИЙ ПАРТИЗАН

Рассказывает Борис Степанович Воронов

До войны я был заядлым охотником. Ружьишко у меня было, по лесам любил бродить. Однако же боевого оружия конечно не знал. Откуда? И когда с истребительным батальоном мы держали оборону на окраине Петрозаводска, на землях «Совхоза № 2», там, где теперь Петрозаводская птицефабрика, ничего не знал и не умел. Ну, пацан, да и только. Как и все мои друзья – «истребители». Помню, выдали немецкий карабин. Пока я с ним возился, затвор выпал. Что делать? Бегу к командиру взвода Бузулуцкому: «Вставьте на место, пожалуйста». Бузулуцков был в походе первой партизанской бригады И. А. Григорьева и погиб. И у нас, в истребительном батальоне, и в походе с ним были еще командир взвода Колесник, командир отделения из отряда «Мстители» Папоротников и другие. Все они до войны служили в охране Беломорско-Балтийского канала, ходили с кубарями – кадровые*. Они формировали истребительные батальоны, а потом воевали в партизанских отрядах.

*Охрану Беломорско-Балтийского канала с начала 1939 года и до середины 50-х годов осуществлял 155 полк НКВД по охране особо важных объектов промышленности.

В отличие от кадровых военных, мы были одеты кто во что. Позже и нам дали гимнастерки, фуфайки и ватные брюки. Полушубки выдавали только на время дежурства в наряде. А обычно носили меховую фуфайку-безрукавку и сверху маскхалат.

Время выхода на задание всегда держалось в секрете. Приказывали: «Готовьтесь!» А когда выход и куда пойдём – не говорили никогда. И расспрашивать об этом было не принято. Все знали, что излишнее любопытство в таких делах всегда может быть чревато последствиями. Поэтому и боеприпасы с продуктами получали перед самым выходом на задание.

С Пудожского берега в рейды через Онежское озеро выходили всегда в ночь, с наступлением сумерек. Иначе рисковали быть обнаруженными с самолетов и оказаться попросту расстрелянными на льду. Самолеты противника летали, где хотели, когда хотели и как хотели. Нашей авиации мы здесь не видели. Финские летчики иной раз так нагнали, что, казалось, вот-вот лыжами зацепят. Бывало, партизаны от отчаяния гранатами в них пытались кидать. Лежа!

Правда, один самолет удалось сбить. Это было как-то раз на базе в Стеклянном. Налетели финские самолеты, отбомбились и улетели. А следом появился наш У-2. На баржах в устье реки Водлы были установлены зенитные установки из спаренных пулеметов. И вот с одной стороны зенитчики бьют по самолету, с другой партизаны из шестого отряда «Боевые друзья». Сбили. Самолет пошел вниз и сел на реку. Зенитчик бежит к своему командиру взвода и радостно кричит: «Мы сбили!» Командир отряда Ф. И. Греков свое: «Нет, мы сбили!» А в это время из кабины сбитого самолета орет летчик: «Ё... твою мать! Идите, идите сюда. Я вас сейчас, обоих...» Ф. И. Греков не растерялся и говорит зенитчику: «Ну что же, сбил, так иди, разбирайся».

А финский самолет нам так и не удалось сбить ни разу.

В зимние походы через Онежское озеро всякое бывало -- и трагического, и смешного. Бывало, выйдем в 16. 00, идем, идем половину ночи, и вдруг вперед носом трещина во льду метров пять. И сидишь, кукуешь, думаешь, как поступить.

Были у нас на берегу аэросани, но они почти никогда к нам не выходили – бензину не было. Даже раненых не хотели вывозить, чаще всего мы их на себе выносили.

Большой проблемой было и то, что на всю операцию отводилась только ночь. Затемно придешь на вражеский берег и затемно же выйдешь на свой. Правда, когда на озере образовывались торосы, мы к своему берегу не откатывались, прятались в торосах. Делали снежные домики (П) и скрывались в них от самолетов. Поэтому ночные переходы были очень большие. Например, ходили громить финские гарнизоны на Шокшинских разработках. Выходили с Бесова Носа и шли через озеро к Шокше 60 километров.

В 1943 году был у нас в отряде такой командир разведки Антон Карпин. Вообще их у нас два брата было – Антон и Кузьма. Антон был очень шустрый мужик. Как-то раз послали нас одиннадцать человек во главе с Антоном Карпиным на Шокшинский берег. Задача – разведать минные поля и попутно все, что может быть интересно командованию. У финнов были такие «кочующие заставы» (П). Это группы солдат, которые патрулировали побережье Онежского озера, нас караулили. Тактика у них была такая: идут, идут, а потом лягут и слушают(П). Лыжи ведь по насту скрипят – далеко слышно. И они нас услышали.

Нужно сказать, что берег ночью очень обманчивый. Идешь, идешь, и кажется, что до него еще далеко, а он вот, совсем рядом. Мы до берега немного не дошли. Легли на снег, достали сало, сухари, сахар. Перекусываем. Иногда нам и сахар давали. Особенно когда приходилось на лыжах далеко идти. Пососешь его, и вроде становится легче.

Немного перекусили, отдохнули, и надо бы двигаться дальше, но вдруг Антону приспичило по-большому сходить. Он снял рюкзак, маскхалат положил сверху и отошел в сторонку. И только отошел, как в небо осветительная ракета – фьють! Прямо перед самым нашим носом. Светло стало на льду, как днем. Видим, а вокруг нас... финны на корточках сидят! И по нашей группе сразу огонь. Карпин командует: «Отход!» Мы огрызаемся и отходим в озеро. На наше счастье, торосы оказались рядом. Там нас не возьмут.

Пришли на свой берег к Бесову Носу. Задание, понятно, не выполнили. Раз обнаружены, какое уж тут задание. Всех бы перещелкали там, как куропаток. Смотрим, на базе Антон Карпин ходит какой-то скучный.

-- Чего ты такой? – спрашиваем.

-- А-а-а, не говорите. Кисет пропал, -- отвечает.

-- Да и хрен с ним, с кисетом, -- резонно говорят мужики. – Нашел, чего жалеть.

-- Да на кисете написано: «Самому храброму карельскому партизану». Это же был подарок от школьников, – объясняет Карпин, -- а «самый храбрый» и рюкзак, и маскхалат на льду оставил. Хорошо, не штаны...

Во время ночных походов через Онежское озеро много наших ребят погибало. Особенно в первую зиму. Не только в бою или при ранении, но засыпали, обмораживались и замерзали. У нас так Костя Тверсков замерз. Снялись с привала и ушли, а когда схватились, что его нету, вернулись, он уже весь обмороженный лежит. Не спасли.

И финны нам в первое время крепко поддавали. Мы с ними на их территории в прямые бои предпочитали не ввязываться, а при обнаружении сразу отходили на свой берег. У финнов дороги, транспорт, они очень быстро могли перебросить подмогу с других гарнизонов. Жили они вдоль побережья в разборных, будто бы картонных домиках. Внутри

печка и все, что нужно. Кроме автомашин, умели быстро передвигаться за лошадьми, «на шортах». К седлу привязывали 5-6 веревок, цеплялись за них и буквально летели по берегу.

Кроме того, они очень хорошо были экипированы и на лыжах ходили великолепно. Бывало, лежишь в засаде и видишь – идет их группа: любо-дорого посмотреть! Они ходили налегке: шерстяное белье, маскхалат сверху, на ногах сапоги, «кенги» или «пъексы», всегда желтого цвета. У сапог резиновый низ, а сверху утепленная кожа. И, конечно, лыжи у них были, настоящие лыжи, а не доски, как у нас. Уже тогда финские солдаты использовали так называемые «ротофеллы», когда лыжа крепилась пружиной-дужкой за нижний рант сапога. Хотя были у них и ремни.

Финны – мастера лесного боя, конечно. Но со временем партизаны всю их экипировку, и лыжи, и вооружение переняли и стали успешно использовать. Лично сам я всю войну автомат «суоми» протаскал, а нож-финка до сих пор дома лежит. И воевать приспособились так, что они нас стали бояться, как огня. Зимой 1943-1944 года местные жители рассказывали: как услышат, что соседние гарнизоны партизаны громят, так у них уже рюкзаки на плечах, бежать готовы.

Помню, в последний раз мы ходили в Заонежье с Пудожского берега, когда озеро было уже в разводьях. Вода, льдины плавают, по льдинам сигаем. Нужна была внезапность, и мы ее добились: финны нас не ждали. Мы тогда Косельгу разгромили, Олений Остров... Там большие финские гарнизоны были, и мы их всех кончили. Стали возвращаться домой. Запрягли пару финских лошадей в сани, погрузили финские пулеметы, еще кое-что. Пулеметы у них о четырех «ногах», станины здоровые, самим не унести. И все это добро, вместе с лошадьми, утопили в озере. Не смогли провести. Сами-то еле-еле перепрыгивали через промоины, по льдинам.

В ОКОПАХ ПОД МЕДГОРОЙ

Рассказывает Иван Александрович Комиссаров

15 сентября 1941 года партизанский отряд «Боевые друзья» вышел из Медвежьегорска в сторону Поросозера. Нас направляли на оборону дальних подступов к городу, в качестве подкрепления к стрелковому полку (126 стрелковый полк 71 стрелковой дивизии, командир полка майор В. И. Валли, комиссар батальонный комиссар И. А. Горчаков. Полк был укомплектован в основном из местных жителей, а разведрота почти на сто процентов состояла из жителей районов республики. В частности, именно этим некоторые мемуаристы объясняют исключительную стойкость и военное мастерство, проявленные офицерами и бойцами полка при обороне Медвежьегорска – прим. К. Г.).

Бои шли непрерывные и жесточайшие. Линия фронта все время смещалась. То тут прорыв, то там. Не всегда поймешь, где наши войска, где противник. Помню, финны прорвались где-то в районе Совдозера, и меня направили от отряда для связи со штабом армейского полка, которым командовал майор В. И. Валли. Тут узнаем о новом прорыве финнов, и я отступаю вместе со штабом полка. В. И. Валли дал приказ найти отряд и передать командиру последнюю информацию о положении дел.

Я в отряд, а его уже и след простыл. Я назад, но и штаб полка уже снялся, ушел куда-то к Медгоре. Что делать? Лес вокруг, бой идет. В ночь с 13 на 14 октября мне удалось догнать штаб В. И. Валли. Мне потому еще так крепко запомнились те бесконечные сутки, что в ночь выпало невероятно много снега. Снег был мягкий, пушистый, закрывал колени и быстро таял. Мы в лесу все сразу обмокли.

Так я со штабом полка оказался неподалеку от Кумсы-2. Майор В. И. Валли собрал связных всех приданных полку частей и отрядов и приказал добираться к своим командирам. Мне он приказал передать командиру отряда Л.П. Жаркову приказ прорывать оборону финнов, которые засели в Кумсе-2.

Затем наш отряд с боями шел вдоль дороги на Медвежьегорск от деревни к деревне. Финнов, которые были в обороне у Кумсы-2, сбили, они убежали в деревню. Наша разведка показала, что их там скопилось на усиленный, хорошо оснащенный вооружением батальон. Нам он был не по зубам, и мы деревню обошли, потеряв человек пять убитыми и несколько ранеными. Помню, что под Кумсой раненым попал в плен Иван Алексеевич Петухов. В плену финны ампутировали ему ногу. После войны Петухов работал в пединституте.

Именно там, в окопах 126 полка, под Поросозером, где наш отряд неделю сдерживал натиск финнов, мы познакомились с войной. Здесь я увидел первого в своей жизни убитого. Полкового пулеметчика прямо в доте сразил осколок снаряда противотанковой пушки.

Уже в сентябре мы начали совершать походы и вылазки в тыл противника. Задача была одна – нарушать коммуникации, наносить удары по продвигающимся к фронту финским частям. Трижды мы ходили на дорогу Вохтозеро – Суоярви, заминировали дорожное полотно, взорвали мост.

В одном таком выходе во вражеский тыл через линию фронта наш отряд принял первый настоящий лесной бой. Мы вышли 30 сентября на нейтральную полосу и буквально нос к носу столкнулись с финнами. Они шли к нам. Противник оказался гораздо многочисленнее и лучше вооружен. У них автоматы, минометы, а у нас бельгийские винтовки да немецкие карабины. Разгорелся сильный бой. Заместитель командира по разведке В. Г. Юриков так вспоминал об этом эпизоде в книге («Боевые друзья: Воспоминания», с. 26):

«В это время отряд переходил небольшое болотце, которое наше головное охранение уже преодолело. Неужели финны оказались в нейтральной полосе и открыли по нему стрельбу? Мы сразу залегли. К месту боя я направил своего связного Ваню Комиссарова – выяснить, в чем дело...»

Как только вышел я на это самое болотце, так меня там и положили. И я лежал до тех пор, пока не закончился бой. Мне не давали даже пошевелиться. Очередями лупят, пули над самой головой свистят. А я все глубже и глубже закапываюсь в мох. Мокрый весь...В этом бою убили нашего комиссара Володю Полякова (У) и медсестру Надю Тяппову (У), которая бросилась ему на помощь. Тут же погиб и Витя Хайдин(У). Тяжело были ранены Анатолий Кухарь и Федор Прокофьевич Готчиев, работавший до войны заведующий районным финансовым отделом в селе Паданы, а несколько бойцов получили легкие ранения и остались в строю.

Вероятно, потери были бы гораздо больше, -- воевать мы только учились, -- если бы встречный бой произошел на большей глубине финской обороны. Однако нам повезло. Командир 126 полка майор В.И. Валли выдвинул нам на выручку резервную роту и крепко поддержал артиллерией. Она еще доставала. Финны откатились.

Вспоминая теперь наши первые походы, очень жалею о жертвах, о погибших товарищах. Отсутствие боевого опыта стало причиной многих партизанских смертей. Например, как досаждали нам в 1941 и даже 1942 годах преследования финских отрядов. Мы сделаем засаду и отходим. Финны идут следом и не дают нам ни отдохнуть, ни поесть. Мы только на привал станем, костры разожжем, они тут как тут. Они даже создали при гарнизонах специальные подразделения-отряды для таких преследований. Эти преследования и непрерывные наскоки противника, отходы без сна, отдыха и пищи выматывали партизан страшно. И ведь очень просто было финнов отвадить, как это мы сделали уже в 1943 году. Да так отвадили, что они до конца войны нас больше не преследовали.

Так начиналась для меня партизанская война. Мы ведь были совсем мальчишки. У меня в отряде был ровесник, приятель Миша Ярошенко. Он перед войной только что закончил в Медвежьегорске среднюю школу. После войны я так и не смог найти в Медгоре его родни. Вот нас с Мишкой в отряде «старики» и гоняли. Остановимся на привал, костры разожгли, мужики повзрослее просят: «Ванька, сбегай, принеси воды». Принесешь. «Ванька, кашу помешай». Помешаешь. Они лежат – ноги кверху, а ты бегаешь, мешаешь. Привал закончился, они отдохнули, а ты только размялся.

РУКА ОБ РУКУ С НЕОПЫТНОСТЬЮ

Рассказывает Михаил Иванович Захаров

По железной дороге до станции Масельгская, пешком на берег Сегозера и пароходом в Паданы... Так наш партизанский отряд «Красный онежец» выходил в первый свой поход в тыл противника. В начале августа 1941 года мы из Падан отправились в сторону дороги Реболы – Кочкома. Первой боевой задачей было уничтожение финского гарнизона в деревне Муезеро.

По неопытности командование отрядом взяло с собой обоз из пяти или шести лошадей. Всю поклажу навьючили на лошадей, а сами пошли налегке. За это потом поплатились в полной мере. Во многих местах для обоза пришлось расчищать дорогу, через речки и широкие ручьи налаживать кое-какие переправы. Одним словом, хлопот с ним оказалось полон рот.

Часа в четыре утра подошли к Муезеру. Ночи светлые, видно всё, как на ладони. До деревни метров 200, ближе не подойти. Что делать? Командование принимает решение обстреливать из миномета. Ну и начали по деревне минами гвоздить. Свернули угол какого-то дома, вроде бы нескольких человек убили. На самом деле только сыграли гарнизону тревогу. Финны заняли линию обороны, залезли в свои окопы и блиндажи, вызвали авиацию и как дали нам в ответ, что только пух полетел! Самолеты начали нас утюжить -- бомбить и обстреливать. Летают на брющем прямо над самой головой. Мы из пулеметов один самолет все-таки сбили. Загорелся, задымил, и вниз. Но к деревне уже не подойдешь, и нам ничего не оставалось делать, как возвращаться.

В отряде нас было тогда сто человек. Командовал директор Онежского тракторного завода Тиден Владимир Владимирович. Начальник производственного отдела завода Чернышов Николай Никифорович стал начальником штаба отряда, (в самом начале эту должность занимал Москалев). Отряд был разбит на четыре группы-отделения, командовали которыми отслужившие действительную службу в армии. Я попал пулеметчиком в первую группу. Вооружение было простое: винтовки, гранаты и толовые шашки – по две штуки на брата. Автомата ни одного в отряде не было.

Не было у нас и постоянной базы. Мы вернулись из первого похода туда, откуда ушли на выполнение задания, – в Паданы. Бородатые, невытые, обтрепанные. Месяц жили в лесу. Местные паданские жители встретили хорошо, истопили для нас баню, дали концерт самодеятельности. Мы помылись, побрились, постирались. Какое это было удовольствие!

После отдыха отряд снова погрузили на пароход и отправили на новое задание. Теперь на дорогу Кимасозеро – Тикша. Теперь действовали поумнее, обоза с лошадьми не

взяли, нагрузили вещевые мешки. Продуктов выдали на 20 дней, но велели «растягивать», чтобы хватило «дней на 30 или даже больше».

На дворе уже сентябрь-октябрь, вечерами и по ночам холодает, дожди, болота сырые. Но шли бодро, километров до 15 в сутки делали.

На дороге установили заряд, устроили засаду. Ждем. Появилась небольшая колонна из нескольких финских автомашин. Обстреливаем, поджигаем, захватываем кое-какие трофеи, документы и пленного. Пленный показывает, что совсем рядом, километрах в двух, стоит гарнизон. Гарнизон, мол, совсем небольшой, охраняется плохо, без особого труда можно захватить. Начальник штаба Чернышов собрал небольшую группу человек с десятков и принял решение атаковать.

Однако группа справиться с задачей не смогла. Гарнизон оказался довольно внушительным. Кроме того, был поднят по тревоге и двигался в нашу сторону, на шум боя, большой отряд финнов, с которым партизанская группа столкнулись лоб в лоб. Силы оказались абсолютно неравными. Сам Чернышов был тяжело ранен, несколько партизан погибли. Когда мы с остатками группы и тяжело раненым Чернышовым отходили от дороги, уже стемнело. Мы несли начальника штаба на плащпалатке сколько могли, но, к сожалению, не донесли, он умер от ран.

Николая Никифоровича Чернышева все любили. Он казался нам тогда очень опытным, сильным человеком. И стал первым партизаном, погибшим на моих глазах и похороненным в лесу. Мы вырыли небольшую яму и наскоро похоронили его прямо посреди леса. Уже тогда каждый из нас понимал, что допущена очередная промашка. Мы слишком доверились пленному, который, кстати, под шумок завязавшегося боя сбежал.

ПАРТИЗАН КОСТЯ НУЖДИН

Рассказывает Сергей Павлович Татаурщиков

Первый бой нашего партизанского отряда «Железняк» оказался неожиданным и скоротечным. Мы шли за линию боевого охранения финнов и буквально лоб в лоб столкнулись с их разведгруппой. Ни мы, ни они, похоже, такой встречи не ожидали. Единственное, что каждый из нас успел сделать, так это сбросить на мох свой, в самом начале похода тяжеленный вещевой мешок, лечь за него и открыть огонь. Постреляли мы от души, наивно надеясь поразить противника сразу и окончательно. Финны в бой не ввязались, обстреляли нас и отошли.

Первого партизана нашего отряда убили в разведке. Я с ними не был. Группу ребят, в которой были ярославский парень Малков и Костя Нуждин, повел командир отделения белорус Буканов. Они втроем вышли на разведку маршрута из Хайкиля, где мы тогда временно базировались. Мы сидим с отрядом на привале, ждем результатов. Вдруг слышим отдаленные выстрелы из автоматов, очень скоро стихшие. Когда в разведке дело доходит до стрельбы, это всегда плохо. Это почти всегда значит, что обнаружены, и задание не выполнено.

Спустя некоторое время в расположение отряда приходит Малков. Идет раненый, опирается на автомат. Ребята бросаются к нему: «Что случилось? Где группа?» Малков рассказывает, что группа смогла уйти не очень далеко и напоролась на внезапный огонь финнов. Первым шел Костя Нуждин. Видимо, его сильно ранило. Он упал на грудь и единственно что успел – махнуть нам рукой, мол, всё, бесполезно... И потянулся за гранатами. Гранаты у нас были в карманах фуфаяк. Ранило и Малкова. Отстреливаясь, он стал отходить. Его отход прикрывал Буканов. Малков сообщил также, что очень скоро на том месте, где упал Костя Нуждин, раздался взрыв гранат...

Через некоторое время пришел и командир отделения Буканов. Он сообщил, что отход Малкова огнем прикрывал, но вот Костю вытащить не смог. Очень много было финнов, очень сильный огонь они дали.

Костя Нуждин стал первым партизаном, убитым в нашем отряде. Мы очень переживали его гибель.

Первых своих товарищей по отряду, убитых в бою рядом со мной, я увидел позже, в разведке под Кимасозером и в бою в Мергубе. Зимой 1942-1943 годов из засады мы разгромили финский конный обоз, взяли документы, оружие, кое-что из продуктов. Вот там я впервые увидел в непосредственной близости финских солдат, живых и уже неживых. И тоже, нужно сказать, не испытал от этого никаких хороших чувств. Тем более радости.

ДОСТОИНСТВО

Рассказывает Наталья Никитична Пастушенко (Сидорова)

Когда началась война, и меня записали в начале в Ругозерский истребительный батальон, а потом и в партизанский отряд «Вперед», мы было уже 19 лет, я жила самостоятельно и работала. Примерно такими же по возрасту были в нашем отряде и другие медицинские сестры. Но теперь вспоминаю, какие же мы были наивными и неопытными!

Помню, собираемся в первый поход в тыл финнов с базы в селе Лехта. Получаем продукты. Нам положен килограмм продуктов на сутки похода. Но если бы только одни

продукты нужно было нести! А оружие, патроны, санитарная сумка с медикаментами? В общем, мы с девчонками оставили тушенку, кое-какие концентраты, а вместо них набрали конфет с печеньем. И вот в лесу недели через две-три, когда продукты все подъели, бойцы начали над нами смеяться: «Ну что, девушки, конфеты кушаете? Ну, кушайте, кушайте...» А какие в походе могут быть конфеты? От них только пить хочется. Ребята хоть и поиздевались над нами тогда, но поделились, конечно, кто чем мог.

В первые недели и месяцы в нашем отряде, как, наверное, и в других, происходила «притирка». Не всегда это проходило без обид. У нас был заместитель командира отряда по разведке Степанов. Однажды мы стояли в Сегеже, и этот Степанов познакомился там с девушкой, назначил ей свидание в доме культуры, а сам опоздал. Она ему стала ему выговаривать, мол, знаю, почему вы задержались. У вас в отряде красивые девочки. Степанов таким развязным тоном ей ответил: «Да что там наши девочки? Они в люльке, наверное, были девочками...».

В то же время неподалеку оказались наши медсестры Шура Баботина и Анна Борисовна Онищенко. Они все слышали. Между прочим, Анна Борисовна была в отряде вместе с мужем, он позже погиб. И вот на другой день Степанов приходит в отряд и как обычно здоровается: «Здравствуйте, девушки!» Анна Борисовна берет его в оборот: «Как вам не стыдно, Степанов, так обвинять наших девушек?» Тот отнекиваться, мол, откуда вы это взяли, то да сё. Ну, тут уж и мы ему сказали, все, что думаем. Степанов перед нами на колени встал: «Простите меня. Виноват. Я дурак, не знаю, что говорил». И просит: «Только, пожалуйста, Бондюку не говорите». Командир нашего отряда Кирилл Васильевич Бондюк(У) был кадровый офицер, пограничник, он бы за такой проступок со Степанова взыскал по всей строгости. Тот-то ведь тоже офицер был, хоть и НКВДшник.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗА «ЯЗЫКОМ»

Партизан должен и необходимо должен
умствовать, но не перепускать, как говориться,
ум за разум.

Денис Давыдов. Дневник
партизанских действий 1812 года.

Вероятно, мало было таких боевых задач, которые ставились командованием перед каждым выходом партизан во вражеский тыл и далеко не всегда (если не сказать – редко) выполнялись. Одна из них – захват пленных. Противником карельских партизан был признанный мастер лесной войны, отлично подготовленный к походной жизни финский солдат. Захватить его врасплох, понудить сдаться стоило большого труда. И вовсе не случайно, на Карельском фронте были партизанские отряды, которые за все время боевых действий не смогли захватить в плен и полдесятка вражеских солдат.

«Язык» (С) доставался подчас большой кровью. Так, три отряда Кандалакшского направления, сформированные в Архангельской области («Полярник», «Большевик» и «Сталинец») за время боевых походов с начала 1942 года по сентябрь 1944 год захватили лишь 10 пленных. При этом в буквальном смысле слова потеряли (пропали без вести) 73 бойца. Да, многие из них заблудились и погибли от истощения. Однако приходится признать и другое: многие из бесследно пропавших сами оказались в руках противника.

По сообщению члена Военного Совета фронта генерала Г.Н. Куприянова, за три года войны 19-ю партизанскими отрядами было захвачено свыше ста пленных (104). Но за этот же период пропали без вести 487 партизан (по другим данным – 691, -- см. «Партизанская война в Карелии», с. 123). Кто может сказать, сколько из них сами стали «языками» для противника?

При этом следует помнить, что речь идет о пленении вражеских солдат и офицеров. Однако в руках партизан подчас оказывались и другие пленные – из местных жителей приграничных территорий Финляндии. Как известно, финские власти часто использовали местное население в качестве военизированных частей, вооружали и даже обмундировывали его, ставя задачу боевого или разведывательного противодействия партизанам. В ответ партизаны вынуждены были применять к местным жителям приграничных финских хуторов формы и методы борьбы, соответствующие боевой обстановке, в том числе и захватывать их в качестве пленных. Однако данных о количестве пленных из числа местных жителей нам пока обнаружить не удалось.

Сложной науке лесной войны – захвату пленных посвящена эта глава. Партизаны вспоминают об этом боевом опыте иногда с болью, но иногда и с юмором. Война, походы, засады, скоротечные и ожесточенные огневые столкновения были тогда их жизнью. А в молодой жизни, пусть даже такой, подчас находится место и шутке.

КТО НА ПАРТИЗАНА ПОХОЖ?

Рассказывает Дмитрий Степанович Александров

Пока мы вместе базировались в Лехте, у командира 32-й отдельной лыжной бригады Ивана Александровича Горохова появилась привычка по любому случаю приглашать меня переводчиком. Как только у них пленный, и наш отряд дома -- немедленно зовут меня к себе в штаб. У Горохова был свой переводчик, отлично знающий финский язык Иван Алексеевич Петров (У). Но нет, звонит мне: «Придешь, или лошадку послать?» От нашего интерната до их штаба было километр-полтора. «Уж дойду».

Выхожу на дорогу. А мне нужно жерди разобрать на изгороди, чтобы выйти. Начал было, а потом, не долго думая, махнул вдруг разом через верх. Махнул и сам удивился: неужели еще расту, раз еще прыгать хочется?!

На этот раз у Горохова вижу командира нашего отряда «Вперед» Кирилла Васильевича Бондюка. Идет допрос пленного финского солдата. Горохов спрашивает, беспокоят ли их в тылу партизаны? И что это за люди такие?

-- О, о, о, это удивительная сила, -- рассказывает солдат. -- Финны признанные лыжники, и мы ничего не можем с ними поделать. Как ветер, они носятся по лесу туда-сюда. Это такие здоровенные дяди -- сибиряки...

Горохов показывает на нашего командира и спрашивает:

-- Вот этот годился бы в партизаны?

Финн презрительно ухмыляется:

-- Да что вы, господин офицер. Какой из него партизан...

А Бондюк, между прочим, был среднего роста, но плотный и сильный мужик.

Так мы беседуем. И вдруг финн заявляет:

-- А я, между прочим, уже был в плену в одном из ваших партизанских отрядов.

Начинаем выспрашивать, и тут мы с Бондюком понимаем, что это в нашем отряде он был. Мы тогда на одной из дорог большую автоколонну разгромили. В кузовах грузовиков оказались какие-то большие чемоданы. Мы не знаем, что в этих чемоданах, торопимся, вытягиваем их от дороги подальше в лес. В одном из кузовов нашли двоих финнов. Прикинулись убитыми, лежат, верхний глаз прикрыт, а нижним -- зырк-зырк -- поглядывают. В довесок к чемоданам захватили двоих пленных. А в отряде был у нас такой Анисимов из Пряжинского района. Ему велели пленных сторожить, пока мы закончим обработку колонны
(С)

А у Анисимова, как назло, что-то терло в сапоге. Он сел и стал переобуваться. А финны глянули друг на друга и разом махнули один в одну, другой в другую стороны.

Анисимов за автомат, а тот не работает... Так оба «языка» и убежали. Теперь пленный рассказывает:

-- Я до Кимасозера без передышки сумел убежать. Бог меня спас.

Горохов улыбается:

-- Плохой у тебя Бог, если ты снова к нам в плен попал.

Я в ту пору очень неплохо говорил по-фински. Некоторые знатоки говорили даже, что у меня какое-то особенное произношение. Так или иначе, за две войны -- финскую и партизанскую в Великой Отечественной, за десятки разведок, в которых я участвовал, только один раз финны не признали меня за своего. Это был обычный старик-крестьянин в поле. До сих пор для меня остается загадкой, каким образом ему это удалось и в чем я ошибся.

По поводу языка расскажу один любопытный случай. Уже после войны на встрече ветеранов в финском городе Лиексе подходит ко мне офицер, член финской делегации, и спрашивает:

-- Кто вы по национальности?

Я отвечаю:

-- Финн.

Он с облегчением отвечает:

-- Я так и думал. Вы говорите на более литературном языке, чем я сам.

Потом немного помолчал и добавил:

-- А как вы попали в эту шайку?

Это он меня спрашивает, как я оказался в СССР и Советской армии. Думаю, дать бы тебе сейчас, майор, в морду. Так ведь международный скандал будет. Говорю:

-- Господин офицер, я считал вас выше уровня этого вопроса.

Он резко повернулся и отошел.

В нашей делегации это заметили. Спрашивают, что там у нас произошло?

-- Да вот, господин офицер спрашивает, как я попал в вашу шайку.

Один из наших ветеранов военных прямо через весь зал показывает майору кулак: «Ну, погоди у меня!»

Нужно рассказать, что почти во все свои разведки в партизанском отряде я ходил в форме шведского офицера.* В этой форме я и жил, и воевал. Конечно, когда мы возвращались в Лехту, я ее берег, снимал и прятал. Но в лесу, в походах всегда был в ней. С первых походов понял, что мне этот «маскарад» крайне необходим для дела, но добыть форму было непросто. Расскажу, каким образом она мне досталась.

* Автор книги воспоминаний о партизанском отряде «Вперед», политрук Г. А. Герасимов и медицинская сестра первого взвода (разведвзвода) Н. Н. Сидорова (Пастушенко), в котором в начале пулеметчиком, а затем в качестве политрука воевал Д.С. Александров, сообщают, что мундир был финским.

Это было на дороге Реболы – Колвасозеро. Нас направили туда в засаду. И вот идем мы вдоль дорожного полотна и радуемся, что путь лежит не через деревню, а в ста метрах от нее. Знаем, что в деревне финский гарнизон, но нас оттуда не заметят. Неподалеку от деревни была развилка дороги. Тут нам и было приказано устроить засаду. Но что-то с этой развилкой не получилось, теперь не помню, что именно. Нужно уходить по дороге на север. При этом уходить быстро и сразу на шесть километров. Там озеро, болото, такой плохой участок, что если финны сумею продвинуться чуть-чуть вперед – нам не уйти, мы окажемся в кольце.

И вот мы броском проскакиваем этот участок. Видим, что на той стороне финны тоже какое-то движение делают. Однако мы чувствуем себя уже в безопасности. Отошли вдоль дороги подальше и решили ложиться в засаду здесь.

И вот лежим в засаде у обочины и слышим, как среди лесной тишины тихо-тихо звякают телефонные провода. Звук все ближе, ближе. Потом появился шум автомобильного мотора. Автомобиль медленно-медленно приближается к нам. Вдруг из-за поворота появляется легковая автомашина...

У нас рядом большая сосна. Я стою за сосной, а Вася Моккиев лежит рядышком с пулеметом. И по этой машине, из пулемета, почти в упор... Тут и вторая машина подошла. Шофер выскочил, спрятался за нее и бьет в нашу сторону из автомата. Ну, ребята быстренько туда, и он замолчал – или убили, или убежал.

Я к машине. Спереди машину обошел, только шагнул к дверце, а оттуда этот швед с оружием, вот-вот выстрелит. Но я начеку... На всю жизнь осталось в памяти эта картина. Швед лежит, а я вижу, что он не убит. Стреляю в упор, тело подскакивает, а я вижу, что жив. Снова стреляю, и снова тело подскакивает, и снова вижу – жив... Три раза пришлось стрелять. Потом уже, когда горячка боя прошла, решил, что в первый и в последний раз стреляю в человека в упор... Остыл немного, смотрю: да это же та офицерская форма, что мне нужна. Но, Господи, как же противно было ее надевать! Вся в крови... Нужно бы постирать, да где там постираешь?

Форма шведского офицера создавала для меня одну серьезную проблему. Приходилось постоянно опасаться, как бы не шлепнули свои. Уходя в разведку, я всегда

предупреждал командование и ребят, когда и где собирался возвращаться. Но в лесной войне раз на раз редко приходится.

Помню, однажды с ребятами из разведки нас послали за коровами на пропитание отряда. Это известный случай, и я расскажу о нем в другой раз. И вот возвращаемся мы домой, гоним по лесу этих коров. А мне нужно было еще в одно местечко заскочить. Я отправил ребят во главе с Костей Мелехиным вперед. Мы договорились, что они будут ждать меня в условленном месте, на горе, за болотом.

Сделал нужное дело, иду и думаю, а как я к ним явлюсь? Во вражеской форме! Посреди леса! Вот проблема. Подхожу к условленному месту, вижу, коровы гуляют. Ага, думаю, наши здесь. Краем болота обошел горку, от дерева к дереву, где ползком, где броском -- приблизился. Мне нужно часового обнаружить. Но это не так просто. Часовой-то тоже не ляля какой-нибудь, а разведчик, он прячется, следит. Лежу и думаю, чего же мне делать? И тут вижу – разводящий идет, часового менять. Вот он приблизился, и я громко, чтобы хорошо всем слышно было, говорю:

-- Ребята, это я, Александров.

Оба они, и часовой, и разводящий, сразу раз – в оборону, и оружие на изготовку. Еще секунда, и сделают из меня решето...

Однажды зимой наш отряд получил специальное задание штаба Карельского фронта во что бы то ни стало добыть «языка». Нам сказали, что армейская разведка уже несколько раз ходила, но добыть «языка» так и не смогла. Вышли мы в тыл, в сторону Падан. Добрались до дороги, и отряд залег в засаду. Подождали автомашину, напали, пошумели немного и взяли в плен шофера, которого звали Олави Лютикяйнен. Во время короткой стычки шофер был слегка ранен в ногу, где-то возле пятки. С такой раной в начале ступать больно, но потом разошелся, и ничего, нормально, идти можно. У нас для таких случаев всегда с собой запасные лыжи были.

Дали ему эти лыжи, поставили впереди, а он чешет так, что нам, здоровым, не угнаться. Едва за ним держимся. А нам, разведчикам, Пете Константинову, Володе Тунтуеву и мне командир отряда К. В. Бондюк строго-настрого наказал, что в пленного стрелять ни под каким видом нельзя. Он не может быть убит ни при каких обстоятельствах. Мы обязаны доставить его в штаб живым и здоровым, и точка. Отвечаем головой.

Вот так и идем в свой тыл. Вышли на какое-то озеро, а когда до берега оставалось совсем немного, по нашей группе из автоматов как дали! Просто шквальный огонь! Пули над головой так и свистят. Мы сразу на лед плашмя бросились. Лютикяйнен впереди и нас трое сзади. И нашему «языку» показалось, что это к нему на помощь соотечественники пришли,

что еще чуть-чуть, и он будет спасен! И он ползком-ползком к берегу, да с такой скоростью, что нам никак не догнать.

И вот такая вышла глупая картина: Лютикаяйнен во все лопатки ползет к берегу, мы тоже стараемся изо всех сил, но явно за ним не поспеваем. А стрелять нельзя! Кричу Лютикаяйнену:

-- Повернись! Повернись!

Тот чешет и не оглядывается. Вижу, уйдет. Приблизился, сколько мог, и кричу:

-- Если еще один метр пройдешь, кула ка коллус – пуля в затылок!

Смотрю, повернулся. Я на десятом небе. Дошли до берега, и в кусты. Потом оказалось, что стреляли-то не в нас. Финны заметили на противоположном берегу озера наш отряд. А нас они приняли за своих и решили прикрыть от партизан огнем, чтобы мы благополучно до берега добрались. Все ведь в одинаковых маскхалатах ходили. Это была для нас большая удача. Настоящее чудо.

Стали мы с отрядом отходить на базу. И удивительное дело, как мы все с этим Лютикаяйненом подружились. С пленными-то в дальнем походе всегда очень хлопотно. На переходах и во время привалов и ночевок его специально охранять нужно, кормить, в кустики под охраной водить. Целая история. Тем более, когда сами-то идем еле-еле да едим через день.

С Лютикаяйненом все получилось как-то просто. Он был примерно нашего возраста, такой же рядовой боец, как и мы. А у нас в отряде многие финский язык знали. И вот соберемся на ночных остановках, рассказываем, как до войны в молодости с девчонками гуляли, про танцы, то да сё. И помаленьку так вышло, что по ночам не мы его, а он нас стал охранять...

Концовка этой истории с Лютикаяйненом еще более удивительная. Пришли мы на базу в Лехту. «Языка» нужно доставить в Беломорск, в Штаб партизанского движения. Пешком топаем в Сосновец, на железнодорожную станцию, на поезде едем в Беломорск. Приезжаем, на часах два часа ночи. Думаем, посидим до утра на вокзале, а утром пойдем искать, кому пленного сдавать. Вдруг подходит майор:

-- Вы Александров?

-- Да, а вы кто такой?

-- Я из штаба Карельского фронта. Мне приказано принять у вас пленного.

Я говорю:

-- Пленного мы обязаны сдать в Штаб партизанского движения.

-- Перестаньте, ваш штаб подчиняется штабу Карельского фронта. Вот мои документы.

Пройдемте со мной.

В общем, пошли мы вслед за майором. Я говорю Пете Константинову:

-- Пойдем, кто знает, что тут заворачивается. Может, украдут у нас пленного. Беда будет.

Топаем куда-то. Майор впереди, мы сзади. Беломорск затемнен, светомаскировка, одноэтажные домики по сторонам дороги. Мы с Петей начинаем беспокоиться, куда это нас ведут. Наконец, пришли. Баня, часовой наш стоит, пустил внутрь Лютикяйнена, я скорее туда тоже. Вижу, двухэтажные нары, полно пленников. Спрашиваю майора:

-- А нам где спать?

Майор в ответ буркнул:

-- У вас свой штаб...

И молча ушел, нахал. Что нам делать? Мы с Петей стали возмущаться:

-- Мало того, что в лесу спим на снегу, так еще и в столице Карелии на морозе ночевать?

Колотим в двери к часовому и говорим:

-- Оружие вот здесь тебе оставим, а сами пойдем к пленным спать.

Часовой весь перетрусил:

-- Ради Бога, не делайте этого! Если они что-то захотят сделать с вами, я даже двери не смогу открыть. Что я с одной винтовкой? Их ведь там много.

Мы ему говорим:

-- Смотри, если что случится, мы тебе штаны снимем.

Пришли к пленным, сели на нары. Олави нас увидел, обрадовался, как ребенок. Он уже успел своих земляков найти, тащит их к нам, знакомиться:

-- Это такие парни, такие парни!

А в походе-то, когда выходили с ним из-под Падан, ели-пили вместе. В первый раз, помню, остановились, наливаю ему из фляги в кружку. Он по-фински:

-- Лучше ножом в спину, но не отрави меня.

Я отвечаю:

-- Ты живым нам что-то стоишь. Ты видел, сколько ваших осталось там, на дороге, где мы тебя захватили? Ты нам живым что-то стоишь.

Выпил эту водку, еще ему наливаю. А это был первый наш зимний поход. Продуктов дали тогда от пуза, вплоть до шоколада. Мы и его угощаем. Он говорит:

-- Так воевать можно!

А мы ему в ответ:

-- Ты думал, лапотная Русь?

И здесь, в беломорской тюрьме, договорились между собой, что через час будем меняться. Двое спят, один дежурит. Утром звяканье котлов. Просыпаюсь, смотрю: мы все спим без задних ног, а Олави рядышком сидит и улыбается.

-- Я ни на секунду глаз не закрыл, -- говорит нам. – Горло бы перегрыз любому, кто посмел бы к вам подойти.

Стали мы собираться. Нужно уходить, прощаемся. У самых дверей Олави мне руку сует:

-- Нуту слов, сказать тебе спасибо за всё. Но скажи: расстреляют?

Я говорю:

-- Перестань! Считай, повезло тебе. Жить будешь. Все будет нормально.

Кончилась война. Иван Алексеевич Петров (У) работал в Финляндии редактором журнала «Мир и мы», и я рассказал ему эту историю и попросил: «Попробуй найти Олави Лютикяйнена». И вот в один день Петров приходит ко мне в Петрозаводске и рассказывает:

-- Слушай, он на севере Финляндии живет, такой активный борец за мир! Такой активный человек! Его родина – недалеко от Ребол. Там, рядышком, есть одна деревушка...

А тут начались встречи участников войны, с той и другой стороны приглашают, зовут. Но я не еду, не еду и не еду. Просто ноги не несут. И в очередной раз такая встреча состоялась. Виктор Иванович Рыбаков(У) пригласил, мол, поехали, ты финский язык знаешь, поможешь встречу провести. А Петя Константинов подначивает:

-- Дмитрий, не ходи. Тебя они живым оттуда не выпустят.

Я Пете отвечаю:

-- Ну, раз так говоришь, тогда обязательно поеду.

Перешли за Костомукшей границу, встречает у финского автобуса некий Ойнонен. У него список участников с нашей стороны, который я из Петрозаводска отправил. А переводчика нет. Оказывается, за переводчика у них бывший наш пленный, оставшийся после войны в Финляндии. Он накануне запил и всех подвел. Он сам мне потом об этом рассказал.

Вместе со списком я направил статью, в которой описал этот случай с Олави Лютикяйненом и просил финских организаторов встречи пригласить Олави, а статью опубликовать. Спрашиваю Ойнонена: напечатали?

-- Да, да, напечатали. Но Олави не приехал.

А рядом старичок стоит, с виду бывший вояка, и мне говорит шепотом:

-- Ничего не напечатали. Не пустили они твоей статьи в газету.

Немного позже узнал, что и Лютикяйнена никто на встречу не приглашал. Так, по-глупому, новые «хозяева жизни» в Финляндии стали понимать укрепление добрососедства между нашими народами.

ЧЕМПИОН ФИНЛЯНДИИ

Рассказывает Наталья Никитична Пастушенко (Сидорова)

Почти перед каждым выходом в поход во вражеский тыл нам давали задание взять и привести «языка». Только не каждый раз это получалось. Финны тоже воевать умели. Но все-таки мы брали «языков», умели это делать. И пленные вели себя всякий раз по-разному. Это зависело и от того, где мы их брали. Например, иногда захватывали в плен на контрольной лыжне. Вдоль линии боевого охранения финны прокладывали иногда несколько контрольных лыжных троп, а патрули регулярно по ним проходили, следили, не пройдем ли мы к ним в тыл.

Мы выбирали место для засады поудобнее, располагались вдоль лыжни и ждали патруля. Патруль приближался, пропускали первого лыжника подальше и захватывали его в плен (С). Когда «язык» захвачен, по остальной группе открывали сильный огонь. Здесь главная задача была не дать кому-нибудь из бойцов патруля убежать и сообщить о засаде в гарнизон. Поскольку оттуда немедленно прибывала группа преследования, и тогда нам приходилось тяжело.

Помню, захватили в плен одного молодого парня. Мы его никогда бы по готовой лыжне не догнали, поэтому ребята легко ранили парня в ногу. Ведем его на базу, разговариваем. Парень спрашивает:

-- А чего вы из Ругозера ушли? Мы же карелов не трогаем?

Я говорю:

-- Как же не трогаете, когда из всех домов людей выгнали?

Парень сокрушается:

-- Я чемпион Финляндии, никогда не думал, что в плен к русским попаду.

Я его утешаю:

-- Ну и что с того, что чемпион. Попал же. Что теперь делать.

Он:

-- А что, надо мной будут издеваться?

Я спрашиваю:

-- А у нас в отряде над вами издеваются, что ли? Кормим, разговариваем с вами, все такое. Разве мы издеваемся? И там также. Если будете правду говорить, никто над вами издеваться не будет.

Однажды нас направили за «языком» к дороге на Паданы. Выбрали место, свалили поперек несколько деревьев. Вдруг идет легковая машина. Шофер увидел, что засада впереди, выскочил из кабины и под машину – шмыг, спрятался. А мы с политруком И. Г. Инниевым стоим в засаде рядом. В машине какой-то большой офицер оказался, полковник или подполковник, а рядом с ним то ли медсестра, то ли секретарша. И вот этот офицер никак не хотел сдаваться. В перестрелке эту женщину ранили, он взял ее на руки и стал защищаться ее телом, как щитом. Откуда стреляют, туда он ее повернет. Уж не знаю, сколько она получила ран. И. Г. Инниев машину обошел с другой стороны, начал открывать дверцу, а офицер выстрелил ему из пистолета в руку. Инниев рассердился и с левой руки застрелил офицера.

Мы взяли у офицера какие-то важные документы, вытащили из-под машины водителя, дали ему лыжи, и он сам шел с нами до базы.

Никогда мы пленных не мучили, хотя хорошо знали, как зверски они поступали с партизанами. Много раз приходилось в этом убеждаться. Однако наша задача состояла в том, чтобы доставить из в Лехту, а потом в Беломорск. И ведь это было очень непросто. Ведь лес кругом. Пять метров за куст забежал, и ищи-свищи. Ребята постоянно должны были охранять «языка», сидеть с ними во время ночевки, следить на переходах, кормить.

Однажды в 1943 году во время такой же операции наш отряд «Вперед» потерял целый взвод. В других отрядах было по три взвода, а в нашем четыре. Говорили, что это потому, что отряд создавался специально для проведения рейдов в глубокий тыл противника. Первым был взвод разведки, в котором я была с самого начала и почти до конца военных действий. В 1943 году в ту пору едва назначенный комиссаром отряда И. Г. Инниев захотел перевести в первый взвод Шуру Баботину. Командир первого взвода Егоров был против, но Инниев уж очень этого хотел. И однажды придрался ко мне за то, что я не выпустила «боевой листок», обвинил в невыполнении приказа и отправил в четвертый взвод Алексея Федоровича Лешошкина. А Шуру Баботину перевел в первый взвод.

Я сказала, что мне все равно, с каким взводом ходить в походы. Все ребята -- наши. И этот летний поход был первым моим походом в этом взводе. А для многих ребят последним.

Мы тогда шли в деревню Тууливаару, там стоял отдаленный гарнизон финнов, где нам предстояло взять «языка». Но у нас ничего не получилось. Мы стали отходить назад. Вышли к дороге, заминировали ее и стали ждать в засаде. На mine подорвалась легковая автомашинa, в которой оказался какой-то большой военный чин с важными документами. В перестрелке ни один из пассажиров не остался в живых, а водитель погиб при взрыве mine.

Мы взяли документы и стали быстро отходить. Шли вечер и всю ночь, замучались все. Прошли за это время 34 километра. Неподалеку от дороги на Колвасозеро выбрали место для дневного привала, легли в оборону, выставили часовых и все сразу уснули без задних ног.

Взвод наш расположился на небольшой сопочке. С северной и южной сторон поставили по двое часовых. С одной стороны скала и крутой обрыв с болотцем за ним. Командир взвода А. Ф. Лешошкин и начальник штаба отряда Титов с документами перешли это болотце и залегли на горке. Политрук взвода Иван Петрович Жаруев показал мне на толстую сосну и говорит:

-- Ложись, Наташа, здесь. Дерево большое, если начнут стрелять – ничего.

Прошло немного времени, а Иван Петрович все беспокоится:

-- Наташа, слышу, что-то трещит. Отойди подальше, вон туда, на край обрыва. В случае чего, туда раненых будешь тащить и там перевязывать.

Я отошла из-за этого дерева на край обрыва, а Ивана Петровича Жаруева тут же сразу и убили. Оказывается, финны были уже рядом и видели нас. Когда мы встали на отдых, никто не проверил часовых. А они уснули. Финны уже выследили нас. Они подъехали на машинах, оставили их за горой, поднялись, сняли часовых с южной стороны и сразу же оказались в расположении взвода.

Началась сильная стрельба. Но как было ребятам обороняться, когда нет никакой обороны, финны уже в середине взвода? У меня тогда длинные волосы были. Они захотели меня живой в плен взять. Кричали:

-- Поймать эту «русскую ведьму»! Мы тебя все равно поймаем, «сёттери акка»!

«Русская ведьма», значит. А я как услышала, что они уже здесь стреляют, побежала к обрыву и прыгнула вниз, на болото. Высоко, но что поделать. Ползу через болото к Лешошкину и Титову, а финны сзади ругаются и стреляют. А Лешошкин и Титов тоже через болото стреляют и кричат мне:

-- Наташа, ползи сюда, ползи сюда!

Финны подумали, что у нас здесь основные силы, и не преследовали. А если бы знали, что только двое...

Из всего четвертого взвода нас тогда осталось только трое. Двое часовых, что были выставлены с левой, северной стороны, сумели уйти живыми. Они оказались немного в сторонке, и финны их не обнаружили. Эти двое ребят долго шли без карты и еды и только уже глубокой осенью, едва живые, вышли на базу в Лехту.

Мы слышали потом, как финны добивали наших ребят. Я хорошо представляю, что они с ними делали. Однажды такое было в «Красном онежце». Финны также сняли ножами часовых, а потом штыками и прочим... Издевались они над раненым партизанами.

Очень жалею, что потерялся мой доклад. После войны я работала в парткабинете Медвежьегорского райкома партии. Однажды мне поручили подготовить доклад на эту тему. Я работала в архивах, читала доклады Куприянова и армейских разведчиков, в которых они сообщали о том, что видели сами на местах наших боев. Этот доклад я оставила в Медвежьегорске. Думала, он когда-нибудь кому-нибудь пригодиться. Но они там куда-то стали переезжать или ликвидировались и, как мне сообщили потом, где-то потеряли его. Очень об этом жалею. Особенно сейчас, когда не мы их, а они нас стали обвинять в излишней жестокости на войне. Правда была совсем другая.

Гибель четвертого взвода А. Ф. Лешошкина объясняет и то, почему наши командиры в походах так жестоко карали за сон на посту. За это обычно полагалось одно наказание – расстрел перед строем. И такие расстрелы были. Жалко бывало нам этих уставших ребят, и плакали мы, девчонки, глядя на показательные расстрелы. Но при этом каждый понимал, что из-за жалости к одному может погибнуть целый отряд, все без исключения. И, в общем, партизаны принимали такое наказание, как должное.

ГЛУПАЯ ШУТКА

Рассказывает Сергей Павлович Татаурщиков

Наверное, и в других партизанских отрядах, как у нас в «Железняке», каждый раз перед выходом на задание командование приказывало взять пленного. Только вот далеко не всегда это удавалось. Помню, что за все время лесной войны мы захватили и привели только трех «языков». Хотя, может быть, их было больше, но с моим участием только трое. Однажды в самом начале нам удалось взять финского капрала. Но в перестрелке он был тяжело ранен и не мог говорить. Мы вели его, сколько могли, но не довели -- он умер.

Летом на одной из дорог в финском тылу из засады мы атаковали несколько автомашин. Обработали и перед отходом стали осматривать обочины – не остался ли кто из солдат? И на самом деле – с поднятыми руками вскакивает шофер одной из машин: «Стаюс, стаюс...» Когда началась стрельба, он успел кувырком выскочить из кабины в канаву и там пересидел весь бой.

Приводим пленного на нашу лесную временную базу, кормим, охраняем, как положено. Через некоторое время другой взвод собирается на задание. А финн в шутку говорит:

-- Приведите мне еще одного. Скучно тут одному...

И надо же было так случиться, что засада оказалась удачной, ребята напали на обоз и взяли еще одного пленного. Но теперь им оказался молодой здоровый парень из охраны транспортного обоза. Он никак не хотел сдаваться, брыкался, упирался. Но его все-таки повалили, скрутили и заставили идти.

Вернулись на лесную базу. Первый пленный, как увидел парня, так и рот от удивления открыл:

-- Как же так?! – говорил он. – Вы разве не поняли? Я же пошутил.

Ребята ему мрачно ответили:

-- Ну, вот видишь? Пошутил и плохо сделал для своего же собрата. Глупая у тебя шутка. Нельзя так.

Среди финских солдат тоже велась своя пропаганда, и партизан они очень боялись. Наши партизаны в Великую Отечественную войну вели себя значительно активней, чем финны во время финской войны. Ведь финские диверсионные группы в 1939 году в нашем тылу делали, что хотели. Они смело ходили, куда им заблагорассудится, убивали мирных жителей и военных, где и сколько хотели. Но в Великую Отечественную инициатива была за нами. Они сидели по гарнизонам, охраняли свою линию фронта и активных действий предпринимали мало.

Какое бы личное чувство каждый из нас не испытывал к пленным финским солдатам, ни при каких обстоятельствах мы над ними не издевались, не пытали и не убивали. Это было связано еще и с тем, что они доставались нам чаще всего очень дорого. Мало того, что всякая засада и последующий отход на временную базу редко заканчивались без боя с отрядом преследования, возможными потерями и ранениями наших бойцов. Ведь мало пленного захватить. Его предстояло еще доставить на постоянную базу в Лехту, неусыпно охранять в походе, кормить, а значит, тратить на него немалые силы и собственные запасы продуктов. А переходы-то бывали по 80 – 100 – 150 километров только в одну сторону. Недели уходили на одну только дорогу.

И главные допросы «языка» происходили в штабах -- в Штабе партизанского движения и разведотделе Карельского фронта в Беломорске. Мы расспрашивали только о том, что было полезно в данный момент нам: где ближний гарнизон? Кто там? Что там? Сколько? Остальное не наше дело.

Третий пленный оказался шюцкоровцем*. Прилично одетый и отважный парень, одетый налегке в форму зеленоватого цвета. Он сам сказал нам, что он шюцкоровец, держался с большим достоинством, можно сказать – надменно, до наглости. Парень сразу

заявил, что его пленение – дело нелепого случая, этого плена не должно было случиться. Мол, чтобы мы не обольщались на его счет.

*Шюцкор – (от шведского skyddskar – «охранный корпус») военизированная организация, созданная в 1917 году и просуществовавшая в Финляндии до 1944 года. Члены шюцкора участвовали в подавлении Финляндской революции 1918 года, а в годы Второй мировой войны сотрудничали с германским «СС».

Все финны великолепно ходили на лыжах, но этот шел просто блестяще. Мы отобрали у него лыжные палки, так он и без палок шпарил по накатанной лыжне, будто на велосипеде по асфальту. В сравнении с этим шюцкоровцем, два первых наших «языка» выглядели просто вахлаками.

Однажды произошел очень интересный случай, при котором мы могли взять финского «языка». Однако ни мы, ни финны не выпустили друг в друга ни одной пули. Произошло это так. Мы уже возвращались домой, один раз перешли русло реки Ногеуксы, за ним озеро и снова река. Ногеукса – речка извилистая, порожистая. Мы переходили её вброд, прямо по камням порога. И вот, когда часть бойцов во главе с командиром еще была посреди реки, мы заметили на противоположном берегу повозку. Повозка была запряжена лошадью, а рядом с ней стояли два финских солдата с винтовками.

Можете представить наше состояние в тот момент? Они могли наших ребят на этих камнях посреди реки, как рябчиков, перещелкать. Речка-то неширокая. А финны сидят и показывают друг другу на нас руками.

Мы со своего берега тоже, конечно, дали бы шороху. У нас пулемет, автоматы, а дорога проходит как раз вдоль берега. По крайней мере, прижали так, что головы не дали бы поднять. Но их позиция была, конечно, предпочтительней.

Каждый из нас в те напряжённейшие и тревожные минуты подумал: ведь могут стрелять, но не хотят... И из наших никто стрелять в этих финских солдат не посмел. И командир такой команды не дал. Финны отошли к своей лошадке, сели в повозку и уехали. А мы перебрались на другой берег и молча пошли домой.

Шел 1944 год. Это был последний поход нашего партизанского отряда «Железняк» на Лехтинском, или как считалось официально -- Ребольском направлении. Конец войны с финнами уже ощущали все.

КТО ОХОТНИК, А КТО ЖЕРТВА

Рассказывает Михаил Иванович Захаров

Я уже как-то рассказывал о трагическом случае, при котором погибла группа партизан во главе с начальником штаба отряда Н. Н. Чернышевым. Беда произошла по причине нашей неопытности. Партизаны излишне доверились пленному.

Вкратце повторюсь. Это было в самом начале зимы 1941 года на дороге Кимасозеро – Андропова Гора. Все было привычно: установили заряд, устроили засаду. Вдруг на засаду неожиданно выехал велосипедист, и его захватили. Пленный показал, что совсем рядом, километрах в двух, стоит гарнизон. Гарнизон, мол, совсем небольшой, охраняется плохо, без особого труда можно захватить. Начальник штаба Чернышев собрал небольшую группу человек с десятков и принял решение атаковать.

Однако группа смогла уйти не далеко. Поднятые по тревоге солдаты уже выехали на автомашине с Андроновой Горы навстречу. Оставив автомашину на дороге, большой отряд финнов развернулся цепью в лесу столкнулся лоб в лоб с группой Чернышева. Силы оказались неравными. Н. Н. Чернышев был тяжело ранен, погибли партизаны Иван Андреевич Фролов, Константин Яковлевич Хаквист. Терентий Алексеевич Успехов. Самый высокий и грузный партизан нашего отряда Макар Ильич Гуляев был ранен и его с великими мучениями выносили из боя на базу. Уже тогда каждый из нас понимал, что допущена трагическая промашка. Мы слишком доверились пленному.

В конце лета -- осенью 1941 года финское командование стало ощущать реальные действия партизан. На нейтральную полосу была отправлена группа из восьми-десяти опытных армейских разведчиков. Они имели задачу выяснить, сколько здесь партизан и по каким направлениям они движутся. На переходе в лесу финны натолкнулись на наш отряд. Никому из вражеской разведгруппы уйти мы не дали, а одного взяли в плен. Финский разведчик оказался коммунистом и заявил, что воевать не хотел, но был силой забран в воинскую часть.

Поход оказался долгий, и вскоре мы невольно убедились, что этот парень не врёт. В походе ведь все вместе – и воюем, и идем, и отдыхаем, и едим. Всякий пленный обуза, сплошные с ним хлопоты. И вот однажды шли всю ночь, а днем стали на днёвку отдохнуть. Часовой при пленном тоже ведь ночь не спал, а тут пригрелся и задремал. Финн его будит:

-- Не спи. Тебе же попадет за сон на посту. Я ведь могу сбежать...

Нам потом рассказывали, что этот финн на самом деле оказался коммунистом и всю войну водил в свой тыл армейскую разведку из 32-й отдельной лыжной бригады Горохова.

Первую военную зиму 1941-1942 годов мы базировались в Сегеже и прямо оттуда ходили к Ондозеру и в финский тыл. На контрольной лыжне однажды сделали засаду, на нас вышел патруль из пятерых солдат. Одного подстрелили в ногу, уложили в лодочку и доставили к себе на базу, а затем в Беломорск.

Парень оказался очень спесивый. Нам он отказался что-либо толковое рассказывать, вел себя надменно и все говорил, что «мы все равно победим», что «вместе с Германией мы Россию разгромим» и так далее. Просто жалко было парнишку. Лет-то мальцу было всего 17 или 18.

В 1943 году без того непростая задача захвата пленных солдат противника серьезно осложнилась принятыми финским командованием мерами. Если прежде движение военных колонн и обозов по прифронтовым дорогам осуществлялось и днем, и ночью, то теперь только ночью. Если раньше двигались без охраны, то теперь каждую колонну автомашин сопровождал грузовик с солдатами, ежесекундно готовых прыгнуть на землю и завязать бой. Старую (до 1939 года) Государственную границу прежде мы запросто переходили практически в любом месте. С 1943 года это стало серьезной проблемой. Границу стали охранять пограничники, отряды шюцкора с собаками. Было немало случаев, когда партизанам так и не удавалось пересечь линию фронта и выйти в глубокий тыл финнов.

Относительно пленных мы имели постоянное задание. Оно формулировалось просто: если «язык» попадет ценный, офицер и так далее, забрать и доставить в Беломорск, если рядовые, которые, как правило, мало чего знают, допросить и... «решайте сами».

Бывали случаи, когда такие непростые решения приходилось самостоятельно принимать и нам. В июне 1942 года наш отряд получил задание разгромить финский гарнизон в деревне Кимасозеро. Мы вышли из Лехты в сторону Юшкозера 9 июня и за пять дней прошли с грузом более ста километров. Неподалеку от Юшкозера заложили временную продовольственную базу. Группа разведчиков в составе Владимира Дешина, Ивана Зайцева и Георгия Амосова в течение нескольких дней изучила режим охраны гарнизона, расположение огневых точек и вообще жизнь солдат в этом отдаленном от фронта на 150 километров «райском уголке».

У нас сложилось представление, что солдаты, видимо, позабыли о войне. Их было здесь примерно человек тридцать. Они ездили на озеро на рыбалку, по деревне ходили без оружия. О предельной беспечности финнов могут сказать и такие факты. Хорошо укрепленные огневые точки и дзоты были расположены по периметру гарнизона, но стояли постоянно пустыми и безо всякой охраны. Подразумевалось, что солдаты займут их только в случае тревоги. Винтовки бойцов дежурного караула были выставлены в пирамиду, причем... на улице, перед караульным помещением.

5 июля в четыре часа утра группы нашего отряда проникли на территорию гарнизона и заняли позиции между жилыми помещениями финских солдат и их огневыми точками. Тем самым мы сразу отсекали финнов от их оборонительных укреплений. Затем медсестра Валя Трещугина подобралась к караулке и незаметно унесла из ружейной пирамиды семь винтовок. Затем бойцы вместе с Валею еще и подперли двери снаружи. Даже часовой на караульной вышке спал так крепко, что проснулся лишь после первых автоматных очередей и разрывов наших гранат. Разумеется, ребята немедленно его оттуда сшибли.

При разгроме гарнизона в Кимасозеро мы взяли в плен семерых солдат. Командование допросило пленных, и тут же встал вопрос, а что с ними дальше делать? Мы в глубоком тылу. К себе возвращаться более двух сотен километров, что займет много дней. Семеро пленных только на их охрану и сопровождение свяжут руки целому взводу. А чем мы их будем кормить? И тогда командованием было принято решение пленных уничтожить. Как это проходило, не знаю. Я пулеметчик, а в таких делах обходились без пулеметчиков.

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТВЕТ

Рассказывает Борис Степанович Воронов

О разгроме финского диверсионного отряда на льду Онежского озера недалеко от Шалы понемногу вспоминали многие. Это была отличная операция, которую провел Иван Антонович Григорьев, командир партизанской бригады. Мне пришлось принимать в этом некоторое участие, присутствовать при подготовке и обсуждении итогов. В ту пору я был связным комиссара бригады Н. П. Аристова.

Специально подготовленный финский отряд, как теперь называют «спецназ», подошел к Пудожскому берегу со стороны Шелтозера, затем Большого Климецкого острова. Это было самое начало марта 1942 года. И мы в штабе уже за два дня знали, что отряд придет к нам. В это время из Шалы на Бесов Нос ехал политрук со своей молодой женой. Финны его захватили и потребовали, чтобы он провел их через минные поля. Политрук провел, но они его все равно убили, вместе с женой. Диверсанты хотели сжечь, собственно говоря, не сам Шальский лесозавод, а лыжный комбинат, который снабжал лыжами весь Карельский фронт. И заодно разгромить нашу базу. Ведь мы финнам уже второй год покоя не давали. Но в Шале их хорошенько встретили огнем. Там в снегу уже заранее землянки были вырыты с бойницами для стрельбы.

Диверсанты подожгли баржу в устье Водлы, успели кое-что заминировать на лесозаводе, но наши погнали их в озеро. По плану отряд нужно было выгнать на остров Василисин, где в

засаде сидел восьмой партизанский отряд Ефимова и пограничники, так называемая «кочующая застава» (С).

Один партизанский отряд сопровождал финнов слева, другой справа. А сзади комбриг Иван Антонович Григорьев со своим связным Васей Макарихиным вдвоем на санях, запряженных лошадей, и со станковым пулеметом. Финны начнут уклоняться влево, по ним открывают огонь, и они снова возвращаются на нужный нам курс. Начинают поворачивать вправо, снова их «подравняют», из автоматов.

Потом наши самолеты налетели, помогли. Так и пригнали на остров Василисин. Я в это время на острове был. Мы им здесь, конечно, дали... Всех их там раздолбали. Двоих или троих, не помню теперь, взяли в плен. Вспоминаю, как захватывали молодого финна, а он бежал и кричал: «Я коммунист, я коммунист...»

Потом наши ребята поставили трупы финнов на лыжные палки, они за ночь застыли, а утром финские самолеты налетели и как начали с брющего полета из пулеметов по трупам своих же солдат гвоздить! Видно, подумали, что это партизаны преследуют их диверсионный отряд.

После этого похода финны к нам такими отрядами в сто человек для диверсий больше не совались. Отучили. Это был хороший урок еще и за их наглую диверсию в Петровском Яме, на берегу Выгозера. Известно, что там в ночь с 11 на 12 февраля 1942 года, такой же диверсионный отряд финнов напал на наш госпиталь, сжег его и расстрелял медицинских работников и раненых бойцов.

С безоружными врачами, медсестрами и ранеными госпиталя в Петровском Яме финны расправились в середине февраля 1942 года. Но уже через три недели мы устроили им Шалу и остров Василисин. Недолго пришлось ждать нашего ответа.

В партизанских отрядах пленные финны были головной болью заместителей командира отряда по разведке. В каждом отряде обычно эту должность занимал офицер госбезопасности. Добытые в бою у противника документы, карты, личные письма солдат, фотокарточки и прочие трофеи, которые могли представлять интерес, мы отдавали именно ему. Но знаю, что пленные были не очень-то разговорчивыми. И не всегда у нас была возможность сопровождать их в наш тыл. Тогда их расстреливали.

Помню, летом 1942 года во время похода на Поросозеро партизанской бригады И. А. Григорьева к штабному костру привели захваченного в плен командира финского батальона. Если память мне не изменяет, звали его майор Перттула. Это был важный для нашего командования «язык», и Григорьев с Аристовым собирались отправить его в наш тыл. Начали, было, готовить специальную группу, но никак не могли ее скомплектовать: в

бригаде уже не оказалось бойцов, способных быстро и наверняка дойти до своего тыла. Да и еды почти не осталось.

А майор к тому же отчаянный был. Он сидел, сидел у костра, а потом как прыгнет за автоматом... Не помню, уж кто из связных – Макарихин или Кутин – ему из пистолета прямо в лоб. Если бы на секунду не успели, майор тут же в штабе перестрелял всех.

Иное дело, когда за «языком» мы ходили специально. Тогда пленные доставались нам кровью. При таких выходах среди партизан обязательно были раненые или убитые. Заместитель командира по разведке всякий раз перед выходом наставлял: «В открытый бой не вступать. Бейте только из-за угла!»

Нападать из-за угла, избегать прямых стычек с противником было главным приемом нашей партизанской тактики. Потому что финнов всегда было в три-четыре раза больше, и где бы мы не вошли с ними в столкновение, они всегда ждали и получали подкрепление. А кто к нам придет? Устраивать с ними открытые лобовые бои было бессмысленно. Наше дело наскочить, сделать свое дело, и в лес, кашу варить.

А иногда при выполнении боевых заданий мы оказывались в таком положении, когда пленных сами не брали. От злости и отчаяния. Однажды заскочили на какой-то хутор, точнее в маленькую карельскую деревню в Калевальском районе. Там обычно не финны, а немцы попадались. Обшарили деревню – нет никого. Только стали уходить, а по отряду с чердака очередями из пулемета... Вернулись, с ходу взяли дом, вытащили во двор пулеметчика. Немолодой такой мужик в военной форме. Мы не стали даже разбираться, немец он или финн. Ведь отряд и так бы мирно ушел, а он двух наших партизан ни за что положил и троих ранил. Какой там «язык»! Бросили его на землю мордой в небо, положили на горло бревно, один боец на один конец встал, другой боец на второй конец. Так он и остался там лежать...

Хочу рассказать, как и я сам в плену у финнов побывал. Правда, наверное, не больше часа. В романе Дмитрия Яковлевича Гусарова «За чертой милосердия» и в некоторых других книгах описан случай, когда в бригадном походе летом 1942 года после тяжелых боев на высоте 264,9 мы с боем прорвались через дорогу Паданы – Кузнаволоку и с огромными потерями проскочили ее, а затем случайно ворвались в расположение финской пограничной роты. Финны мирно отдыхали в палатках, что-то свое варили на кострах. Я оказался тогда с бойцами отряда «Боевые друзья», которых вел командир Федор Иванович Греков. И вот что из этого получилось.

Пролетаем мы, значит, этот финский палаточный лагерь, палим из автоматов, закидываем егерей-пограничников гранатами. И надо было такому случиться. Сунься я в одну палатку, гляжу, а там часы светятся. Я только к часам, а мне сзади по горбу чем-то так крепко дали, что я и сознание потерял...

Обычно после таких скоротечных ночных боев партизаны соберутся где-нибудь недалеко, чтобы по отделениям проверить, все ли на месте. И тут собрались.

-- А где Воронов?

-- Вроде, был, когда бой прошли. Все нормально было.

-- Как? Где он?

Федор Иванович Греков отряд развернул и снова на финский лагерь налетел. Теперь уже вроде как с тыла. В палатку заскочили, а я там, связанный по рукам и ногам, лежу... Финнов, что меня связали, тут же перестреляли всех. А меня Федор Иванович при своих же ребятах палкой отхерачил. * Лупит и приговаривает:

-- Я тебе покажу, как за трофеями лазить! Не было команды за трофеями лазить! Я тебе покажу!

Мы таких ходовых боев проводили много, и, бывало, гибли ребята из-за таких глупостей. Командиры и комиссары нам все время говорили:

-- Не лазайте за трофеями! На хрен оно вам надо!

* Такая необычная для партизан вообще, а в условиях крайне сложной боевой обстановки, в частности, форма наказания была избрана Ф. И. Грековым, вероятно, еще и потому, что Б. С. Воронов был самым молодым бойцом бригады. Ему к тому времени едва исполнилось 18 лет.

«КТО ТАМ?» «СВОИ!»

Рассказывает Иван Александрович Комиссаров

Весной 1944 года наш партизанский отряд «Боевые друзья» перебросили из Пудожя на север. Между железнодорожной станцией Зашеек и городом Ковдор была небольшая деревенька Упалакша, а возле нее местечко Йёна. От этой Йёны в семи километрах по направлению к Ковдору был «Шуми-городок», который в последние месяцы войны стал партизанской базой. Кроме нашего отряда, там базировались отряды «Сталинец», «Большевик» и «Мстители».

Третьего апреля 1944 года сводным партизанским отрядом-полком из 248 бойцов мы отправились на территорию Финляндии в маленький городок Марти, где стоял хорошо укрепленный финский гарнизон, имевший и артиллерию, минометы, окруженный огневыми точками, минными полями и колючей проволокой.

Об этом походе я уже рассказывал в книге воспоминаний об отряде «Боевые друзья» (Боевые друзья: Воспоминания (В. Г. Юриков, П. Д. Поваров, И. А. Комиссаров; под ред. Д.

Я. Гусарова. – Петрозаводск: Карелия, 1983). Повторяться не буду. Расскажу лишь некоторые детали этого рейда, редкого для нас хотя бы тем, что он оказался полным случайных нелепостей. Итак, вышли мы с заданием, если не разгромить гарнизон, то хотя бы взять там пленных. Снег оказался невероятно глубокий и сырой, тепло, лыжи не идут. А местность гористая, скалы, передвигаться крайне сложно. Вышли на контрольную лыжню финнов. Лыжня хорошо наезженная, поэтому решили, что ждать долго не придется, и сделали засаду.

В засаде мы оставили взвод отряда «Мстители», а сами двинулись дальше. Через некоторое время в засаду вкатились на лыжах шесть финских солдат. Их тут же взяли в плен. Загнали всех в ручей и троих ранили. Мы не могли знать, что всего в патруле было восемь солдат. Один из них, на наше несчастье им оказался радист группы, сильно устал, и его накануне оставили отдыхать неподалеку в разрушенном хуторе. А седьмой перед самой засадой сильно приотстал. Когда началась стрельба, он повернул лыжи и убежал к этому самому радисту. Так о нашем продвижении стало известно противнику.

После вот этих наших промашек настала пора делать глупости финнам. И они начались. Финское командование почему-то решило, что в их тылу действует лишь небольшая группа партизан. Нам в преследование была отправлена одна усиленная рота – около двухсот бойцов. Рота прибыла к тому месту, где мы пересекли контрольную лыжню. Здесь финны сильно ошиблись. Они почему-то решили, что мы уже возвращаемся. Отправив нам вслед группу из двадцати солдат, исключительно для того, чтобы выяснить, зачем мы ходили к ним в тыл, главные свои силы они бросили в наш тыл, то есть якобы нам вдогонку.

Разумеется, эта небольшая группа тотчас попала в нашу засаду. А дальше чуть не произошла трагедия. Вслед за нами по лыжне двигался взвод из отряда «Большевик». Взводом командовал В. А. Пономарев. Представьте себе положение двух десятков партизан, которые двигались себе по лыжне следом за нами, предвкушая скорую встречу с главными силами, а навстречу им выкатываются... более сотни финских солдат!

Отходить или бежать было бесполезно, и В. А. Пономарев дал команду занимать оборону. Неравный бой продолжался 17 часов. У бойцов взвода уже заканчивались патроны. Радистка Таня Пичурина передала в эфир: «Прощайте, товарищи. Связь кончаю. Взрываю рацию». Коды Таня сожгла, рацию взорвала -- мы слышали взрыв гранаты, но сама не пострадала.

А мы в составе сводного отряда уже подошли вплотную к финнам. Они настолько увлеклись, что даже не выставили с тыла не то что боевого заграждения, но даже простого наблюдателя. С 50 метров мы видели, как финны бегают на лыжах по лыжне, проложенной

вокруг окопавшегося в снегу взвода В. А. Понамарева, стреляют из автоматов и кричат: «Рус, сдавайся, вы окружены...»

Наша атака была настолько быстрой, что один из пленных потом недоуменно повторял, что не понимает, как он оказался в нашем расположении, прямо посередине партизанского отряда? Это был радист финского карательного отряда, который оказался у нас в руках вместе с рацией, кодами и документами.

В том отчаянном бою бойцы взвода В. А. Понамарева уничтожили около шестидесяти солдат противника. Тут же мы захватили в плен еще одного солдата. Восемь пленных привели из этого рейда на базу в «Шуми-городок».

Такого рода неожиданностей, нелепостей и ошибок в партизанской лесной войне было сверх всякой меры. Чуть расслабился, и на тебе, получай!

Однажды в августе возвращались мы из долгого похода на территорию Финляндии, измучались все, устали. И вот вышли на заброшенный хутор. Тихо вокруг, спокойно. И мы почему-то решили, что это наша территория, что уже почти дома. Разожгли костры, греем пустой чай, поскольку продукты и даже сухари давно закончились, чистим оружие, сушим портянки. Там же финнами были построены доты, видимо, для встречи наших войск. В одной из амбразур, чтобы не спеша побриться, пристроился и я. Привал, одним словом.

А наша медсестра и переводчица Аня Леонтьева по своей надобности отошла к ближним кустикам. Неожиданно ее кто-то по-фински окликает:

-- Кто там?

-- Как кто? Свои! – так же по-фински спокойно отвечает она, уверенная, что мы дома.

И с ужасом замечает: на дороге за кустами стоят две подводы, а рядом... целое отделение финских солдат! Финны от неожиданности даже не стали стрелять. Они только взяли оружие наизготовку, видимо, намереваясь потихоньку уйти, не ввязываясь в бой. Но наш пулеметчик Иван Улитин заметил, в какую передрагу мы попали. Он крикнул: «Аня, ложись!» и открыл по финнам сильный огонь.

Но и тут нам крепко повезло. Финны не стали ввязываться в бой и откатились. Отошли и мы, наблюдаем. Но то, что мы увидели чуть позже, заставило всех содрогнуться. По дороге мимо хуторка отступала с севера... целая финская дивизия. С отделением можно было, как говорить, еще повоевать, но с дивизией?! До сих пор не могу понять, почему финны не вступили с нами в бой? Нам бы тогда скучно не показалось.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

БРИГАДНЫЙ ПОХОД

Немилосердная тяжесть партизанской войны в Карелии, героизм и мужество бойцов, равно как и равнодушно-казенное отношение к их судьбам высшего командования, словно в капле воды, воплотились в одном событии лесной войны – походе первой партизанской бригады под командованием И. А. Григорьева в июне-августе 1942 года.

Об этом походе многое сказано и написано. Ему посвящен роман-хроника Д. Гусарова «За чертой милосердия». Роман создан на строго документальной основе в прошлом рядовым писателем-партизаном. Вероятно, поэтому он исполнен не показного мужского сострадания и пронизан стремлением понять, что же на самом деле двигало командованием Карельского фронта и Штаба партизанского движения, когда оно принимало решения, от которых зависело жить или не жить сотням людей.

Поход бригады оставил много загадок. До конца неясна изначальная его цель. Для чего в тыл противника было направлено соединение из 648 бойцов? На разгром штаба 2 армейского корпуса в Поросозере и 7 армейского корпуса в Кондпоге, как обозначалось в приказе? «Нависнуть с севера над единственной финской дорогой, соединяющей Масельгское направление фронта с Поросозером и тылами» -- как об этом, со слов Д.Я. Гусарова, сообщил начальнику Штаба партизанского движения С. Я. Вершинину начальник разведотдела фронта полковник Поветкин? Что характерно, сообщил только 26 июля, то есть спустя месяц после выхода бригады в поход.

Или у бригадного похода была иная, вовсе не тактическая, а стратегическая цель, о которой говорил бывшим разведчикам-партизанам Ивану Комисарову и Василию Касьянову в ночном разговоре в номере петрозаводской гостиницы «Северная» бывший первый секретарь ЦК КП(б) КФССР и член Военного Совета фронта генерал Г. Н. Куприянов. В середине 70-х годов он приезжал в Карелию презентовать свою книгу воспоминаний «За линией Карельского фронта» и за разговорами просидел с партизанами почти до утра.

Куприянов рассказал тогда, что в 1942 году со стороны Карельского фронта планировалось наступление наших войск с целью освобождения Ленинграда из блокады. Сюда было стянуты войска численностью до 250 тысяч бойцов. Подозревали об этом и финны, которые также сконцентрировали свои войска на этой линии фронта. Партизанскую бригаду в этой операции запланировали для дезорганизации тыла противника.

Но, как это часто бывало на войне, планы изменились. Войска сняли и перебросили под Сталинград, а чтобы противник не догадался о переменах в плане, было решено пожертвовать бригадой: пусть, мол, воюет; финны подумают, что, наверное, не зря такую

силу бросили к ним в тыл, значит, какое-то серьезное дело заворачивается. По словам Куприянова, партизаны свою задачу выполнили -- финны не отозвали с нашего фронта ни одной воинской части. Ну а цена... Мы ведь «за ценой не постоим...»

Были у верховного командования такие планы или их не было, и мы имеем дело с мифами, нам еще предстоит узнать. Может быть, ничего подобного в реальности и не существовало, а генералами в Беломорске двигало понятное и вполне земное желание попасть в сводку Совинформбюро, отметить громкими боевыми делами перед Верховным Главнокомандующим. И не дрогнувшей рукой они бросили на гибель сотни партизан?

Как это было там, на скалистых высотах, на берегах озер и в болотах, в этой главе рассказывают рядовые партизаны. Любопытно и то, что все они, не сговариваясь, вспоминают только об одном эпизоде – трагической переправе через Елмозеро, во время возвращения бригады в свой тыл. Ни о чем другом они вспоминать не захотели, а я заставить не смог. Память о Елмозере затмила собой другие, не менее жестокие бои, такие как, скажем, на высоте 264,9. Их, этих огневых столкновений с противником, за более чем 600-километровый путь было 26. Однако переправа на озере Елмозеро, по мнению рядовых партизан, оказалась больше, чем просто ожесточенный бой с преследующим противником. Это стала настоящей трагедией.

БОЛОТО ЗА ЕЛМОЗЕРОМ

Рассказывает Борис Степанович Воронов

Меня ранили в середине августа, когда партизанская бригада выходила из похода. Комбрига Ивана Антоновича Григорьева уже не было с нами. Никто не видел, как он погиб, хотя о смерти все узнали немедленно. Рассказывали, что уже раненый, он повел ребят в атаку. Перед ним бежал боец, зацепил ветку, она разогнулась и ударила Григорьева по глазам. Он якобы закричал: «Ой, что ты сделал? Что ты сделал!» В это время его и убили.

Мертвым Григорьева я не видел. И никто не видел. Своего связного Васю Макарихина он как раз перед атакой отослал, кажется, во взвод Николаева. Факт тот, что комбрига мы там оставили. Его наши не унесли. Хорошо помню это место: с горки спуск крутой, а внизу речка течет. Красивое, наверное, место.

Потерь в бригаде было уже очень много, а финны держали и вели нас плотно. Кажется, мы с боем переходили какую-то дорогу, два часа уже воевали, и нужно было во что бы то ни стало прорываться.* Д.И. Колесник поднял всех в атаку. Когда меня стебануло, Н. П.

Аристов бежал впереди, я сзади. Я почему-то упал назад. Пуля перебила мне руку, прошила подмышку и вышла из груди сзади. Чуть оклемался и говорю Аристову:

-- Все, Николай Павлович, все, я не могу...

Он мне очень жестко говорит:

-- Нет, ты пойдешь.

И я пошел. Километров пять шел сам. Кровь из сапога вылью и иду дальше. Потом упал и дальше идти не смог. Что там было дальше – не помню. Оказывается, они меня искали. Аристов меня искал, отправлял на поиски ребят. Нашли меня Колесник и Вася Макарихин, принесли в штаб. Врач бригады Екатерина Александровна Петухова, сама раненая в грудь, перевязала. Они с медсестрой Наташей Игнатовой какие-то наклейки мне сделали, и я дальше сам пошел. И еще сутки сам шел.

* По свидетельству народного писателя Карелии, автора романа-хроники «За чертой милосердия» Д. Я. Гусарова, Б. С. Воронов был ранен 15 августа 1942 году в ночном бою при переходе дороги Паданы – Кузонаволоок.

Командир разведотделения отряда «Боевые друзья», раненный в ногу под деревней Кондой (Заонежский полуостров) зимой 1942 года, Дмитрий Яковлевич Гусаров после излечения был отчислен из строя по болезни (комиссован). По этой причине он не смог участвовать в июне-августе 1942 года в трагическом и одновременно героическом походе партизанской бригады под командованием И. А. Григорьева, которому посвятил свой роман-документ. Об эпизоде с ранением Б. С. Воронова он написал следующее:

«...Когда бежали по лесу, уже позади линии обороны, в руку и грудь сбоку был ранен связной Аристова – Борис Воронов. Он бежал сзади, и Аристов не заметил, как тот молча упал. Спихнулся уже на краю болота, когда не увидел позади своего верного и ловкого Борьки. Уже мысленно простился со связным, с ужасом подумал, что ему теперь больше жизни надо беречь очки, ибо запасные остались у Бориса, как вдруг Колесник и Вася Макарихин чуть ли не на руках притащили окровавленного Воронова.

-- Борь, где твой рюкзак? Цел он? – кинулся он к связному. – Ведь очки там!

-- Цел, Николай Павлович. У Васи.

-- Ой, слава Богу... Ну, а ты как – идти сможешь?

-- Смогу, Николай Павлович.

-- Да где он сможет? Нести надо! – резко сказал Колесник, и это прозвучало таким неприкрытым укором, словно Аристов намеренно оставил в лесу связного.

Борис действительно вскоре ослабел так, что его пришлось нести. Сил ни у кого не было, но Колесник с Васей тащили носилки, почти не сменяясь, и уже за всю дорогу они с Аристовым не обмолвились и словом».

(«За чертой милосердия: Роман-хроника», стр.270-271).

У нас в бригадном походе всех, кто не мог самостоятельно идти, пристреливали. Я сколько раз видел это сам. Не Аристов, а начальник штаба Д. И. Колесник назначил для этого четверых человек – Соловьева, Дохно, Зиновьева и четвертого, фамилии которого не помню. Они шли сзади. Тяжело ранен или упал с голоду, идти сам не можешь – безо всякого бромада, щелк в голову из пистолета. Зароют в мох, и все. И все партизаны тогда об этом знали. Видели же, конечно. И что могли сделать? Наверное, я и есть тот единственный боец в бригаде, кого вынесли.

Через сутки я идти уже не смог и хотел застрелиться, как это делали другие. Но Колесник ударил меня по руке и закричал:

-- Нет, ты пойдешь, я тебе говорю! Пойдешь, и все!

Он отобрал парабеллум, повесил его на бинте мне на шею со словами:

-- Пусть висит здесь. На самый, самый крайний случай.

Вот так, с этим парабеллумом на грязном бинте через шею, я переправлялся через Елмозеро и через болото переходил. Потому что вскоре бригада оказалась у Елмозера.

Хочу сказать, что на войне, в походе, в лесу никогда ничего не знаешь наверняка. Вот, скажем, был у нас один лейтенант-пограничник по фамилии Иванов. С голодухи не выдержал, стал воровать у раненых сухари, продукты. Его поймали, приговорили к расстрелу и расстреляли. А ранения оказались сквозные, не смертельные, он остался жив, и финны его подобрали. Такая же история произошла с Ваней Соболевым. У него пулями были перебиты обе ноги, и он застрелился, чтобы не мучиться самому и не мучить других. Но остался жив. Финны его вылечили, посадили в лагерь военнопленных и после войны передали обратно нам. Наши дали Ване 58-ю «политическую» статью и отправили работать на угольные шахты. Ваня Соболев был пудожский детдомовец, и после отсидки срока остался жить в городе Шахты, а недавно умер.

Мы вышли на берег Елмозера, когда там уже разобрали бараки на плоты. Уже не помню, кто затащил меня, раненого, на плот:

-- Ложись плашмя...

Кажется, это был Колька Крещенко. В это время первые плоты уже вышли в озеро. Плыть нужно было между островов, а с островов из станковых пулеметов начали бить финны. Налетели финские самолеты и тоже начали стегать очередями по плотам. Потом

появились и наши самолеты, один финский самолет сбили, а другие сразу скрылись. Наши самолеты стали обстреливать финнов на островах.

Многих ребят убили прямо на плотках. Я на плоту не лежал, а держался за бревна и плыл рядом. Одна голова торчала над водой. Так мы переплыли Елмозеро на другую сторону. Прямо у самого противоположного берега на моем плоту убили Серегу Котовского, молодого парнишку, тоже пудожского детдомовца. Человека три, наверное, было убито на нашем плоту. Серегу и других мы там в мох зарыли.

На другом берегу открылось непроходимое болото, кочки, кочки, кочки... Как-то пытались идти, шагали по этим кочкам. А потом вдруг плесовая река, и все, приехали. Кто-то стал перебираться между кочками, поплыл. Я сел на кочку и думаю: «Э-э, нет, не переплыву». Много на кочках народу сидело. Сижу и вижу, как партизаны тонут. Плывет, плывет, потом нырнул, и одна пилотка плавает, самого уже и нету.

Не знаю, сколько я там сидел, но вижу, плот плывет. Это Коля Чурбанов, кричит мне: «Садись на плот сейчас же, я тебя за реку перевезу». И перевез. А дальше опять по кочкам пошагал. Посмотришь вперед – болото громадное!

Там, у плесовой реки, почти на этой стороне, в прикрытие остался Ваня Улитин (У), пулеметчик из «шестерки», из «Боевых друзей». Здоровый мужик был! Ребята оставили ему все свои запасные диски. Мы ожидали, что финны будут преследовать, и Ваня изъявил желание остаться и прикрыть наш отход. Он лесоруб был, где-то в северном леспромхозе работал, а воевал в отряде Грекова. Потом, когда мы уже на сухом месте оказались, слышали бой. «Дегтярев» бил. Это Ваня их кромсал там.

Самым трудным для меня в бригадном походе было не само Елмозеро даже, а вот это громадное болото за ним, эта проклятая плёсовая река. Это они забрали у нас многих ребят.

За озером и за болотом, по сухому, мы брели уже еле-еле. Почему-то наступила уверенность, что финны едва ли станут нас преследовать, и навряд ли снова придется здесь с ними воевать. Все ждали, что вот-вот нам на помощь придет отряд Введенского. Но Введенский на помощь не пришел. Позже выяснилось, что он пошел встречать разведзвонд Николаева, якобы услышал бой и пошел к ним, увел отряд в сторону. Струсил. До сих пор некоторые партизаны считают его трусом.*

Нас встретили пограничники. Потом пришли курсанты спецшколы. Развели костры, стали сушиться, собирать и варить грибы и ягоды. Потом за нами прилетели гидросамолеты. В самолете было два летчика, и пока мы там хороводились, один пошел за грибами и подорвался на mine. А в это время нужно было отправлять Екатерину Александровну Петухову. Она отказалась и отправила вместо себя этого летчика. Меня увезли в Сегежу вторым рейсом.

Сегежский госпиталь располагался в заводууправлении ЦБК, его номер 444-й. Я сдал госпитальному старшине свой автомат «суоми», отлежал два месяца и снова был отправлен в партизанскую бригаду в Пудож. Бригада называлась уже оперативной группой, руководили которой Н. П. Аристов и Ф. И. Греков. Правда, при выписке старшина выдал мне чужой автомат, «козью ножку» или, как мы его еще называли «Пе-Пе-Се». Говно автомат, только что легкий. Позже, в отряде, взводный В. П. Мойлонен вернул мне мой автомат, а этот забрал. Нужно было воевать дальше.

* Участник бригадного похода, комиссар партизанского отряда «Боевые друзья» П. Д. Поваров в своих воспоминаниях («Боевые друзья», стр. 102) дает иную версию выхода бригады из похода:

«Приблизительно на полпути мы встретили партизанский отряд В. П. Введенского. Наши измученные, голодные бойцы, которых трудно было узнать, радовались, словно дети. Объятия, смех, рассказы... Позже нас догнали пограничники. Они рассказали, что ждали бригаду у Барановой Горы и очень волновались, ведь, если не учитывать особенностей ситуации, в которую попала бригада, переход линии охранения противника между деревнями Баранова Гора и Шалговаара был самым рациональным».

КРАСНЫЕ ЯГОДЫ ЕЛМОЗЕРА

Рассказывает Петр Федорович Кузнецов

Во время переправы через Елмозеро на плоту нас живых осталось, наверное, всего двое. Передний, что стоял на коленях и греб получил пулю, видимо, прямо в сердце. Он умер сразу. Второго за ним пуля прошила навывлет, а затем ударила меня в руку. Нам здорово повезло, что не все очереди из пулемета доставали до плотов. Целый град пуль падал от нас метрах в 10-12.

Я лежал на боку и здоровой рукой потихонечку греб к берегу.

На другом берегу ребята просто падали от усталости и лежали, не подавая никаких признаков жизни. Уже давно кушать было нечего, и все страшно оголодали. Я помаленьку бродил между кочек, собирал ягоды. Вижу перевернутую бурей сосну. Корень у нее, покрытый дерном и лесным мхом, всплошную усыпан черно-красной ягодой. Как будто ковер! Привалился к корню, беру пригоршней спелые ягоды и без остановки ем, ем, ем... Сколько прошло времени, не знаю. Вспомнил про ребят и думаю, что надо бы их найти. Возвращаюсь к самому берегу, там никого нет. Ушли? А как же я? Вижу, идет один не из

нашего отряда, мужик лет 30-35, из политического руководства*, в руках пистолет. Кричит мне:

-- Ты чего тут остался? Можешь идти?

Отвечаю:

-- Ежели сюда кое-как дошел, значит, могу и дальше...

Он видно не поверил, кричит мне снова:

-- Иди сюда. Быстрее...

* Запись рассказа П. Ф. Кузнецова происходила в августе 2004 года после перенесенной им тяжелой болезни. Среди последствий болезни стали затрудненная речь и почти полное забвение имен. На уточняющие вопросы Петр Федорович только виновато улыбался и говорил, показывая на домашних: «Что вы, я теперь не помню даже, как их зовут». При этом события и факты он помнил твердо. Что касается «мужика», то самому Петру Федоровичу Кузнецову во время похода (23 июня) исполнилось 19 лет, а в этом возрасте, как известно, все 30-летние уже «мужики», а кому за 40 – те, непременно, «старики».

Я подошел и объяснил, что ползал по кочкам потому, что собирал ягоды. Этот мужик пристреливал на плотках наших раненых и тех, на берегу, кто не мог дальше идти. Всех доходяг, которые не могли идти и падали, а также тяжелых раненых у нас пристреливали. И этот мужик был у них руководителем. Мне говорили, что в партизанской бригаде таких было четверо.**

Этот, с пистолетом, куда-то ушел, а я двинулся дальше по берегу, вдоль болота. Было 19 августа. И вот брел и брел я понемногу, искал наших ребят. Никого не было, тихо и очень как-то спокойно вокруг. Вижу, у самого берега торчит из воды круглый камень. И как тот сосновый корень, он также весь красно-черный, весь покрыт спелыми ягодами. Я перебрел по воде на этот камень, поднялся на него и одной рукой, пригоршнями, стал собирать в рот ягоды. Брал в руку столько, что едва мог проглотить. Все на свете позабыл, ел и ел до тех пор, пока здесь же, на камне, не уснул...

** По рассказам П. Ф. Кузнецова и Б. С. Воронова (см. выше) можно предположить, что этим руководителем был, вероятно, кто-то из политруков или заместителей командиров по разведке, которому и была вменена вышестоящим начальством ликвидационная группа из партизан, имена которых называл выше связной комиссара бригады Б.С. Воронов. Из записок Д. Я. Гусарова, посмертно опубликованных его дочерью Н. Д. Гусаровой (Отрывочные раздумья разных лет, -- «Север», 1996, № 2), известно также, что на время похода комиссару бригады Н. П. Аристову были даны членом Военного совета Карельского

фронта Г. Н. Куприяновым некие «особые полномочия». Вероятно, эти полномочия распространялись и на решение судеб раненых и ослабевших партизан. П. Ф. Кузнецов убежден, что на противоположном берегу Елмозера и на плотках было добито выстрелом из пистолета более трех десятков партизан.

Проснулся, прислушался – мертвая тишина. Говорю себе: «Я пропал. Ребята наверняка уже ушли». Была черная ночь. Только озеро тихо, тихо светилось. Я спустился с камня и вышел обратно на берег. Там крутой обрывчик и какие-то белые пятна то тут, то там. Шарю рукой. А это грибы! Достал котелок, стал ползать и собирать в котелок грибные шляпки. Ножку в сторону, шляпку в котелок. Ножку в сторону, шляпку в котелок... Полный котелок грибов натолкал и стал подниматься на обрыв, к лесу. Залезал, залезал на этот обрыв, вижу, высокие деревья, лес и наши ребята спят. Очень обрадовался, думаю, тоже лягу посплю. На мне все мокрое до нитки, а брюк почти не было – один ремень и от штанов одни какие-то лохмотья. Разделся до кальсон, повесил в головах на дерево одежду и нож, завернулся в армейскую плащ-палатку с головой и сразу уснул. А нож у меня был очень хороший, наш, отечественный, но очень удобный.

Сколько спал, не знаю. Проснулся, все та же тишина вокруг. Никаких бойцов рядом со мной нет. И ножа в изголовье нет тоже. «Эге-ге, думаю, видно, ребята решили, что я уже умер, и нож мне больше не понадобится. А я еще живой». Тихонечко, одной рукой натянул на себя одежду. Куда идти? Здесь озеро, там болото... Но человек я лесной, с детства в нем хожу, пути мне знакомы. Покрутил головой, подумал и решил: нужно двигаться вот так!

Из оружия у меня оставались только гранаты-«лимонки». Автомат я оставил еще раньше, зачем он мне с одной левой рукой, нож унесли. Иду от берега все дальше и дальше в лес и замечаю, что в одном месте деревья снизу будто бы чем-то подсвеченные. Ага, думаю, костры! А ночь все еще продолжается, темно вокруг и удивительно тихо. Вдруг из темноты голос:

-- Кто идет?

Отвечаю:

-- Кто идет? Кто идет? Человек идет.

И вдруг в ответ:

-- Петя! Петя! Петя!

Это оказались все наши отрядные ребята. Человек 12 или чуть больше, не помню, меня моментально привели к костру, суют в руки котелок с вареными грибами:

-- Кушай, мы уже третий, или больше наворачиваем.

А мой котелок, полный грибами, тут же на костер.

Утром походной колонной мы тронулись дальше. Шли еле-еле, чуть двигали ногами. Передние делают несколько шагов и останавливаются, следом за ними тоже -- шаг, другой, третий, и снова останавливаются. Три километра в сутки. Объявят отдых, и все сразу ложатся, причем все равно куда – на сухое или на воду, -- лишь бы голова снаружи оставалась.

Перед выходом к линии нашей обороны впереди показалось большое болото. Его нужно было обходить. Я одному парнишке говорю, мол, далеко топтать придется, сил нету, а нам ведь теперь все равно – сыро или сухо. Давай по прямой попробуем? Пошли. Там речка небольшая оказалась. Мы с ним речку перебрали, поднялись напрямую к открытому месту через лесок и видим: сидят два финна, оружие отставили в сторону, кушают. Видимо, они ждали, что мы по старой дороге возвращаться будем, вокруг этого самого болота, и они здесь, на открытом месте, остатки бригады положат.

Я спустился вниз и махнул нашим: осторожно, мол, в засаде финны. Только не кричите! Наши ребята подтянулись, и этим финнам поддали. У них все оказалось подготовлено для нашей встречи – огневые позиции, автоматы, рация. Мы это их добро взорвали. Случилось это примерно 20 или 21 августа.

А чуть позже смотрим: наши идут. Но не нас встречать, армейская разведка 32-й отдельной лыжной бригады полковника Горохова. Бойцов 30-40 в группе. Встретились, тары-бары, армейцы собрали нам немножко еды. И мы замечаем, что разговаривают они с нами с каким-то жалостливым видом, смотрят как-то странно.

Один из бойцов подходит ко мне с вопросом, как мое имя. Я называюсь. Он услышал, и смотрю – заплакал... Оказалось, он перед войной был у нас в деревне Улялеги, что недалеко от Эссойлы, директором школы. Я в то время учился в Петрозаводске, но каждые каникулы приезжал домой, и мы с ним были хорошо знакомы. Он бывал в нашем доме. А сейчас стоит перед мной и слезы у него по щекам текут. Мне даже неловко. Потом стал другим говорить, мол, этого парня я знаю, он тот-то и оттуда-то, а сам обнимает меня и плачет, плачет. Когда стали прощаться, директор дал мне сухарь и все приговаривал: «Кости и кожа, кожа и кости. Больше ничего нет».

Ну а потом пограничники привели нас на реку Сегежу, перевезли в поселок, из которого мы выходили в поход, и стали по очереди раздевать и проверять каждого бойца. Разожгли костры, варили кашу, кормили. Очередь двигалась очень медленно. Примерно около двух часов ночи дело дошло и до меня. И только тут спохватились, что не надо бы партизанам сейчас много кушать. Болеть начнут. Мы и на самом деле начали болеть, только уже в госпитале.

Когда очередь дошла до меня, пограничники сняли с меня одежду. Раненая рука была вся черная. Ранение оказалось серьезное. Да и две недели уже прошло. Из всего отряда «За Родину» нас вышло из похода человек 11 или 13 всего.*

* Четвертый партизанский отряд «За Родину» перед выходом в поход в составе первой партизанской бригады И. А. Григорьева насчитывал в своих рядах 99 бойцов.

Пограничник пощупал мою руку и говорит: «Ого, уже черная! Снимай штаны». Ремень расстегнули, кальсоны упали, а у меня ноги, как бочки, толстые. Меня на катере или барже отправили в госпиталь в Сегежу. В госпитале старик-солдат лет 60 только глянул на мои ноги и сразу забегал, забегал, забегал. Позвал медсестер, врачей, кричит: «Парень погибает!»

Я говорю:

-- Как погибает? С какой стати? Вы чего?!

Солдат объясняет мне, что если опухоль поднимется с ног на живот и дойдет вот до этого места, то сразу смерть. А мне вроде как уже и все равно. Говорю ему:

-- Значит, засну, и все.

Медики набежали, что-то такое сделали, и я сразу заснул. Спал, наверное, около суток. Просыпаюсь, глаза открыл, а рядом... тарелка каши. Боюсь притронуться. Сестра пришла:

-- Кушайте, кушайте, это ваше.

Показывает на моих соседей по палате:

-- Разбудим, накормим, и они дальше спят. Некоторые уже по двое суток...

Опухоль у меня кверху шла, шла, да немножко не дошла, и я выжил.

После госпиталя оставшихся ребят распределили по другим партизанским отрядам. Построили всех, выкрикивали фамилии и распределяли. Я тоже вышел из строя, но мне сказали:

-- Вас мы взять не можем. Вы один из тех, кто умеет воевать в лесу. Надо учить молодых.

Наш отряд «За Родину» пополнили ребятами из Вологодской области и стал полностью вологодским. До конца войны мы во многих местах успели побывать – и в Ленинградской области, и на самом Севере. И во многих переделках участвовали.

Хочу сказать об этих добиваниях раненых ребят. Это ведь чудовищно! Я думаю, что во всем этом вина Аристова. Не случайно после похода он пошел в гору, после войны в Москву его перевели, потом в Китае работал. Рассказывали, что его Берия к себе неожиданно вызвал, а он застрелился. Видно, чувствовал за собой большую вину. Убивать своих раненых – это зачем?! С Д. М. Гусаровым мы были знакомы, и я читал, конечно, его роман о бригадном

походе «За чертой милосердия». Сильная книга. Но однажды сидели с ним где-то на бревнах, беседовали, и он мне говорил:

-- Не мог я, Петя, написать всё, что там было. Не мог.

Теперь стали говорить, что добивали только в бригадном походе. Может быть в других отрядах и так. Но я сталкивался с этим несколько раз и до бригадного похода. Расскажу один такой случай.

Возвращались мы однажды с задания, изголодались все, страшно устали. Шла осень 1941-го, или весна 1942 года, то есть перед бригадным походом. Остановились отдохнуть. Смотрю, во взводе одного бойца нет. Спрашиваю, где? Оказывается, оставили километрах в пяти. «Мы сами, мол, ноги еле-еле тащим. Не унести его нам».

А я в молодости на ноги был легкий, и меня поэтому все время отправляли в разведку. У разведчика в партизанском отряде жизнь нелегкая. Отряд становится на привал, отдыхает, а меня с кем-нибудь отправляют осмотреться в округе километр-другой. Пробегашь, осмотришься, доложишь, отряд поднимается и пошел. И ты топаешь со всеми. Разведчику в походе отдыхать некогда.

Говорю во взводе, чтобы разжигали костер и собрали, сколько можно, ягод. Сам пошел обратно. Нашел бойца, лежит чуть живой, даже говорить не может, только глазами хлопает. А сам мальчишка лет 18-19, почти такой же, как и я. Говорю, я за тобой, давай поднимайся, будем отряд догонять. Собрал вокруг немного ягод, дал ему.

Но какой там – поднимайся! Он совсем ослаб. Что с ним делать – не знаю. Подумал и решил:

-- Буду поднимать тебя по дереву, а ты мне помогай.

Беру парня подмышки и вытягиваю вдоль дерева, спиной к толстенной сосне. Тянул, тянул и вытянул. Потом подвернулся к парню спиной, он на меня сзади упал, и мы пошли. Руки спереди висят, а ноги сзади волочатся...

Что это была за ходьба! 20-30 метров пройду, привалюсь спиной к дереву, отдохну и еще 20 метров пройду. В глазах темно, руки дрожат.

Пришли к речке. С отрядом мы переходили ее по бревнам, связанным попарно, будто на сплаве в запани. А с парнем как? Снова думал, думал и решил. Говорю парню:

-- Сейчас спущу тебя на воду и по воде буду тащить буксиром на тот берег. Ты терпи.

И на самом деле – вытащил. Правда, бревна подо мной на полметра в воду ушли. Но ничего, переправились.

Силы у меня окончательно закончились, когда до отряда оставалось всего метров 500-600. Полежал, отдохнул, парня оставил и пошел в отряд. Ребята уже и костер хороший

приготовили, и ягод собрали. Прошу, чтоб помогли дотащить парня, он совсем рядом. У меня сил уже нету. Сходили, принесли, подкормили, и парень у костра оживать начал.

А отряду уже пора двигаться дальше, время выходить. Ребята говорят, что комиссар ругается, говорит, кто этого парня сюда принес, тот его и дальше понесет.

-- Как вы можете, -- говорю своим во взводе. – Любой из нас может в таком же положении оказаться.

Слышу, уже раздается команда, партизаны задвигались, костры гасят. Что же с парнем будет? Пошел к комиссару. Еще не дошел до штаба, слышу, вроде одиночный выстрел сзади хлопнул. Мне в штабе говорят:

-- Опоздал ты, Петя, иди к своим...

В другой раз такое было, когда мы ходили на задание сводным отрядом из нескольких партизанских отрядов. Молодую женщину-военфельдшера не из нашего отряда ранило в бедро выше колена. И ее тоже пристрелили. И я тоже говорил ребятам:

-- Как вы можете? Она же сама вас спасала!

Но не рядовые партизаны решали такое. Они сами были жертвы – не сегодня, так завтра. Это решали аристовы* -- и в лесу, и в штабах.

*Не могу не привести мнения человека, который в течение нескольких лет специально изучал личность В. П. Аристова и психологическую обстановку, которую он создал в партизанской бригаде во время похода летом 1942 года. Это писатель Карелии Дмитрий Яковлевич Гусаров. Да простит меня читатель за длинное цитирование:

«Очень много сил потратил на выяснение – каким был Аристов? Опросил десятки людей, знавших его, изучил все, имеющееся в архиве, включая его личное партийное дело, чудом сохранившееся, обдумал и сопоставил факты – и вывод получился очень невыгодный для меня в смысле работы над повестью (Д. Я. Гусаров в начале задумывал написать о бригадном походе повесть, но материал затем потребовал иной, романной формы – прим. авт. К.Г.).

Все говорит о том, что комиссар партизанской бригады был человеком отрицательным. «Трусоват», «жесток», «интриган», «карьерист», «подхалим» -- вот эпитеты, которыми награждают его и рядовые партизаны, и бывшие командиры.

Встает вопрос – как такой человек мог оказаться на посту первого секретаря РК ВКП (б), а затем и комиссара бригады?

Ответить трудно, ответ может быть лишь один – он имел высокого покровителя. И такой покровитель, вероятно, был в лице Г. Н. Куприянова, который до сих пор, невзирая на факты, защищает и высоко ставит своего земляка по г. Галичу.

В карьере Аристова не играла ли роль такая «мелочь», как личная преданность покровителю?

Взлет его начался в 1938 году, когда в Петрозаводск приехал Г. Н. Куприянов... Не этим ли объясняются и «особые полномочия», которые. По словам самого Куприянова, имел комиссар бригады? И это – несмотря на многие сигналы о его неправильном поведении в бригаде? А затем – назначение на пост зав. лесным отделом ЦК КП (б) КФССР в 1943 г., провал на этом посту в 1944 г., отправка на учебу в Москву с прекрасной характеристикой... Получается четкая логическая цепь...

...Вновь и вновь убеждаюсь, сколь поверхностно, легкомысленно и «по-вождистски» занимался партизанским движением член Военного Совета фронта, первый секретарь ЦК республики Г. Н. Куприянов.

Да, многое в партизанских делах делалось столь безответственно, диву даешься. Теперь это ясно. И как хорошо, что тогда, в годы войны, мы, рядовые партизаны, ничего этого не знали и свято верили, что все делается нашими руководителями самым лучшим, единственно возможным образом. Это помогало нам сохранить бодрость, веру, преданность, и это помогало одержать победу, хотя она в партизанской борьбе достигалась иногда слишком большой ценой»

(Д. Я. Гусаров: Отрывочные раздумья разных лет, Север, 1996, № 2, с.57).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА:

формирование, командный и политический состав

Партизанские отряды, сформированные в 1941 году

Июль

Партизанский отряд, называемый на Карельском фронте в обиходе «волковским» («волковцы»), официально был 32-м парашютно-десантным отрядом особого назначения (командир Павел Александрович Волков, комсомолец, студент, окончивший к началу войны первый курс Высшей школы Генерального Штаба Красной Армии). Отряд имел в составе 120 бойцов и был создан в первые три дня войны в Ленинграде из числа комсомольцев-добровольцев, служивших в парашютно-десантных войсках и спортсменов-парашютистов.

Его основу составляли молодые рабочие Ижорского машиностроительного и Ленинградского оптико-механического заводов, а также студенты старших курсов Ленинградского института инженеров водного транспорта. На вооружении «волковцев» было 70 автоматов ПППШ или трофейных «Суоми» и 50 карабинов. Впервые вступил в бой на Ребольском направлении Карельского фронта близ деревни Андропова Гора первого августа 1941 года.

Партизанский отряд «Бей фашистов», сформирован 8 июля из жителей Суоярвского района. Первоначальный состав 80 бойцов.

Командир П. Ф. Столяренко.

Комиссар М. А. Рябков; с июля 1941 года – Ф. Г. Плеханов; с августа 1941 года – С. Н. Плеве.

9 октября 1941 года отряд в полном составе передан в состав 7-й армии.

Партизанский отряд им. Коба сформирован 8 июня из жителей Прионежского района и Петрозаводска, первоначальный состав 560 бойцов.

Командир отряда А. Н. Харлачев, комиссар Ф. М. Кудрявцев.

Отряд расформирован в ноябре 1941 года.

Партизанский отряд им. Ворошилова сформирован 10 июля из жителей Сортавальского района, первоначальная численность 85 бойцов.

Командир отряда М. М. Петров, комиссар А. А. Запоржин.

Отряд расформирован в Петрозаводске 24 августа 1941 года.

Партизанский отряд «За Отечество» сформирован 15 июня в основном из жителей Пряжинского и Ведлозерского районов при первоначальной численности 40 бойцов.

Командир Ф. А. Федоров, комиссар В. П. Савин.

25 октября 1941 года отряд «За Отечество» влит в отряд «Боевой клич».

Партизанский отряд «За Родину» сформирован 15 июня из жителей Куркиекского и Кексгольмского районов с первоначальным составом 101 боец.

Командир отряда А. И. Горбачев, комиссар Л. В. Мاستинен.

15 сентября 1941 года отряд расформирован в Петрозаводске.

Партизанский отряд «Боевой клич» сформирован 18 июня из жителей Кестеньгского и Лоухского районов. Первоначальная численность 52 бойца. 25 октября 1941 года пополнен за счет отряда «За Отечество». Действовал до окончания боевых действий на территории Карелии (15 октября 1944 года).

Командиры: М. В. Медведев; с октября 1941 года – Е. М. Кокора; с октября 1943 года – Ф. И. Канторов.

Комиссары: Л. В. Власов; с ноября 1941 года – Ф. М. Кудрявцев.

Партизанский отряд «Вперед» сформирован 19 июля из жителей Ребольского и Ругозерского районов при первоначальной численности 41 боец. Действовал до завершения боевых действий на территории Карелии (15 октября 1944 года).

Командиры: В. Ф. Бобков; с ноября 1941 года – К. В. Бондюк; с октября 1943 года – М. Г. Титов.

Комиссары: И. И. Вахрамеев; с ноября 1941 года – В. И. Поташов; с января 1943 года – М. П. Пивоев; с сентября 1944 года – Д. С. Александров.

Партизанский отряд «Боевое знамя» сформирован 27 июня из жителей пос. Калевала (Ухта) и жителей окрестных деревень. Первоначальный численный состав 49 бойцов.

Командир отряда Б.С. Лахти, комиссар М.Ф. Королев.

Действовал до ноября 1941 года, а затем был влит в отряд «Красный партизан».

Партизанский отряд «Держинец» сформирован 25 июля в г. Выборге с первоначальной численностью 80 бойцов.

Командир отряда С. В. Зеленков, комиссар Н. И. Семенов.

Отряд действовал в течение нескольких месяцев и в ноябре 1941 года расформирован.

Партизанский отряд «Красный онежец» сформирован 31 июля в Петрозаводске из работников Онежского тракторного завода. На момент организации численность отряда составляла 91 боец. Действовал в Карелии всю войну, до 15 октября 1944 года.

Командиры: В. В. Тиден; с ноября 1941 года – И. Я. Кравченко; с 25 мая 1944 года – Н. И. Малышев.

Комиссары: В. И. Васильев; с ноября 1941 года – И. А. Тимофеев; с апреля 1942 года – Н. И. Бесперстов; с марта 1943 года – П. А. Кирьянов; с декабря 1943 года – Г. А. Герасимов.

Партизанский отряд им. Чапаева сформирован 30 июля из работников Беломорского ЛДК и жителей города. Первоначальная численность составляла 71 человек. Командир отряда Н. С. Сретенский, комиссар М. В. Шавкун.

В сентябре 1941 года при возвращении на свою базу в с. Лехту из второго боевого похода отряд попал на минное поле и в засаду. Погибли командир отряда Наркиз Сергеевич Сретенский (до войны рабочий Онежского завода, секретарь Зарецкого райкома партии и заместитель заведующего отделом кадров Петрозаводского горкома партии), заместитель командира по разведке Н. И. Федоров, командир второго взвода А. Ф. Кузьмин (до войны заведующий военным отделом Тунгудского райкома партии) и семь рядовых бойцов отряда. 12 бойцов получили ранения. Был тяжело ранен также комиссар М. В. Шавкун. 24 сентября 1941 года оставшиеся бойцы отряда им. Чапаева были влиты в отряд «Красный онежец».

Наименование отряда им. Чапаева позже получил другой партизанский отряд, который был создан 15 февраля 1942 года в Пудоже.

Август

Партизанский отряд «За Родину» сформирован 5 августа из жителей Шелтозерского района в составе 97 бойцов. Принимал активное участие в боевых действиях до конца войны в Карелии 15 октября 1944 года.

Командиры: И. Г. Залецкий; с сентября 1942 года – С. М. Шабалин; с октября 1943 года – И. Я. Чертков.

Комиссары: В. Ф. Ругачев; с марта 1942 года – С. Н. Плева; с августа 1942 года – Л. В. Борисов; с августа 1944 года – А. А. Феррапонтов.

Партизанский отряд «Боевые друзья» сформирован 8 августа из жителей Медвежьегорского района. В первоначальном составе отряда числилось 142 бойца. Спустя три месяца, в ноябре 1941 года, объединен с партизанским отрядом, сформированным в Прионежском районе позже на один месяц, но с тем же названием.

Командир отряда Л. П. Жарков.

Комиссары: В. М. Поляков, и с сентября 1941 года -- Ф. И. Притчин.

Партизанский отряд «Большевик» сформирован 10 августа из жителей Петровского и Кондопожского районов с первоначальной численностью 131 боец. Действовал в течение трех месяцев и в ноябре 1941 года расформирован. Партизанский отряд с таким же наименованием был сформирован год спустя, 21 августа 1942 года в Архангельске и воевал в Карелии до окончания военных действий.

Командир отряда: Н. П. Николаевский, комиссар М. С. Матвеев.

Партизанский отряд «Красный партизан» сформирован из жителей города Кеми 8 августа. Первоначальная численность отряда 101 боец. Действовал до перемирия с Финляндией в октябре 1944 года.

Командиры: А. К. Полянский; с 21 ноября 1941 года – Ф. Ф. Журих.

Комиссары: И. П. Сорокин; с ноября 1942 года – М. Ф. Королев; с сентября 1942 года – В. Н. Пертутнен; с июня 1944 года – В. Т. Еремеев.

Сентябрь

Партизанский отряд «Боевые друзья» сформирован из жителей Прионежского района 8 сентября. При организации численность составляла 120 бойцов. В ноябре 1941 года объединен с отрядом с аналогичным названием (Медвежьгорским) и действовал до 15 октября 1944 года.

Командиры: Ф. И. Греков; с октября 1942 года – Н. В. Суровцев.

Комиссары: И. А. Егоров; с сентября 1941 года – В. Г. Калинин; с февраля по март 1942 года -- Г. Н. Малюк; с марта по июнь 1942 года – В. Г. Калинин; с сентября 1942 года – Г. Н. Малюк; с апреля 1943 года – П. Д. Поваров; с декабря 1943 года – И. П. Мартынов.

Партизанский отряд (без названия), сформированный из жителей Олонецкого района 5 сентября в составе 45 бойцов. Действовал чуть более двух месяцев и в ноябре 1941 года расформирован.

Командир отряда Ф. В. Ганичев.

Отсутствие комиссара, малочисленность и быстрое расформирование позволяет думать, что этот отряд и другие аналогичные ему отряды, создаваемые на карельском фронте вплоть до 1944 года, представляли собой диверсионные группы, рассчитанные на выполнение кратковременных боевых задач, а не на длительную войну в тылах противника.

Партизанский отряд (без названия) сформированный из жителей Петрозаводска 29 сентября в составе 57 бойцов. Существовал всего один месяц и 29 октября 1941 года передан в распоряжение 7-й армии.

Командир отряда Ф. В. Тукачев.

Партизанский отряд (без названия) сформирован в Петрозаводске 29 сентября в составе 52 бойцов. Также самостоятельно действовал только один месяц, а затем был объединен с отрядом «Боевой клич».

Командир: В. Д. Начвин, комиссар Н. Н. Макарьев.

Октябрь

Партизанский отряд им. Тойво Антикайнена сформирован 20 октября из жителей Заонежского района при первоначальной численности 82 бойца. Действовал до 15 октября 1944 года.

Командиры: И. В. Крючков; с ноября 1941 года – М. К. Москалев; с января 1942 года – Н. И. Кукелев; с апреля 1943 года – В. М. Лопаткин; с октября 1943 года – И. В. Крючков.

Комиссары: Ф. В. Воронов; с ноября 1941 года – Ф. О. Новожилов; с декабря 1941 года – Н. Н. Макарьев; с декабря 1943 года – Ф. Г. Захаров; с марта 1944 года – М. В. Широкин.

Партизанский отряд «Железняк» сформирован 20 октября из жителей Пудожского района и эвакуированных из Петрозаводска и южных районов республики. Первоначальная численность 122 бойца. Действовал на Ругозерском направлении до 15 октября 1944 года.

Командиры: П. К. Бугнин; с января 1942 года – С. М. Шабалин; с июня 1942 года – И. В. Крючков; с апреля 1943 года -- В. С. Медведков; с мая 1944 года – И. Е. Голубев.

Комиссары: С. П. Кормилкин; с марта 1943 года – Т. К. Левенец; с августа 1944 года – В. В. Ипполитов; с июня 1943 года – И. А. Архипов.

Ноябрь

Партизанский отряд «Комсомолец Карелии» сформирован 20 ноября в Сегеже при первоначальной численности 98 бойцов. Действовал до 15 октября 1944 года.

Командиры: Э. П. Урб; с апреля 1943 года – Ф. П. Поляков.

Комиссары: П. И. Спиридонов; с мая 1943 года – И. Г. Инниев; с сентября 1944 года – Н. Н. Писакин.

Декабрь

1-я партизанская бригада сформирована 6 декабря в Пудоже при первоначальной численности 708 бойцов. В боевых действиях участвовала до осени 1942 года. После трагического похода в тыл противника в июне-августе 1942 года была расформирована (в октябре 1942 года).

Командиры: В. В. Тиден; с февраля 1942 года – И. А. Григорьев.

Комиссары: Н. П. Аристов.

Партизанский отряд «Мстители» сформирован в Пудоже 1 декабря 1941 года при первоначальной численности 101 боец. Первым командиром был Александр Иванович Попов, погибший в бою вместе со всем отрядом во время похода на Поросозеро в составе партизанской бригады И. А. Григорьева. После бригадного похода руководители партизанского движения не признали гибели отряда и он расформирован не был. Десятки бойцов считались «пропавшими без вести». Отряд пополнили за счет добровольцев, в том числе, прибывших из Свердловской и Вологодской областей и он действовал до октября 1944 года.

Командирами были: А. И. Попов; с октября 1942 года – Н. Г. Пименов; с апреля 1943 года – П. Р. Николаев; с июня 1944 года – Н. П. Шестаков; с августа 1944 года – В. С. Медведков.

Комиссары: И. Г. Залецкий; с июня 1942 года – П. Н. Спящий; с августа 1942 года – П. А. Кирьянов; с октября 1942 года – Т. К. Левенец; с января 1943 года – Д. А. Ломаченко.

Партизанский отряд «Буревестник» сформирован 15 декабря в Пудоже при первоначальной численности 100 бойцов. Действовал до 15 октября 1944 года.

Командиры: П. Я. Константинов; с апреля 1942 года – Ф. И. Тукачев; с августа 1943 года – И. П. Самсонов.

Комиссары: Ф. О. Новожилов; с декабря 1941 года – Я. В. Ефимов; с июня 1943 года – Я. П. Пажлаков; с декабря 1943 года – П. А. Кирьянов.

Партизанские отряды, сформированные в 1942 году

Февраль

Партизанский отряд им. Чапаева сформирован 15 февраля 1942 года из жителей Пудожского района и эвакуированных из Петрозаводска и южных районов Карелии. Первоначальная численность 88 бойцов. Действовал до 15 октября 1944 года.

Командиры: В. Г. Калинин; с июня 1942 года – Н. П. Шестаков; с сентября 1942 года – В. М. Лопаткин; с октября 1943 года – А. А. Коросов.

Комиссары: Я. В. Ефимов; с сентября 1942 года -- Е. М. Филиппов; с июня 1943 года – Н. Е. Кузнецов; с сентября 1944 года – А. Ф. Левешкин.

Партизанский отряд «Полярник» сформирован 19 февраля 1942 года в Архангельске при первоначальной численности 100 бойцов. Действовал до 15 октября 1944 года.

Командир: Д. А. Подоплекин.

Комиссары: Р. П. Карелин; с июня 1942 года – Д.Г. Майзер; с июня 1944 года – А. Я. Уланов.

Март

Партизанский отряд «Красное знамя» сформирован в Пудожье в марте 1942 года из жителей Пудожского района и эвакуированных из оккупированных районов Карелии, способных к участию в партизанской борьбе. Первоначальная численность отряда 58 бойцов. Действовал до завершения войны в Карелии и расформирован 15 октября 1944 года.

Командиры: с момента организации В. П. Введенский; с июня 1944 года – А. В. Пармонов.

Комиссары: М. С. Ильин; с ноября 1942 года – П. В. Тареев; с декабря 1943 года – В. А. Малышев.

Июль

Партизанский отряд «Большевик Заполярья» сформирован 7 июля 1942 года в Мурманске при первоначальной численности 66 бойцов. База постоянной дислокации находилась на высоте «Ударная» в верховьях реки Тулома. Район боевых действий – южнее реки Лотты. За 27 месяцев боевых действий совершил 13 выходов в тыл врага. За этот период разгромил два гарнизона противника, сжег 12 казарм, дом отдыха, метеостанцию, 6 мостов, 3 склада, 17 грузовиков и так далее. 15 партизан погибли в боях и умерли от ран, 6 получили ранения. После расформирования отряда в Сегеже 15 октября 1944 года 75 партизан отряда ушли в Действующую армию и только 6 были направлены на восстановление народного хозяйства.

Командир А. С. Смирнов, комиссар А. В. Селезнев.

Партизанский отряд «Советский Мурман» сформирован в Мурманске 7 июля 1942 года с первоначальной численностью 67 бойцов. Постоянная база на высоте «Ударная». Район боевых действий – севернее реки Лотты. За время боевых действий совершил 13 походов в тыл противника, разгромил два гарнизона, уничтожил 10 казарм, 5 мостов, радиостанцию, лесозавод с биржей, 12 грузовиков и броневедомоцикл, около двух километров высоковольтных линий электропередач и связи. За это время пали в бою и умерли от ран 23 партизана, 5 -- пропали без вести и 8 получили ранения. При

расформировании в Сегеже 15 октября 1944 года 64 партизана отряда направлены в Действующую армию, а 9 на восстановление народного хозяйства.

Командир С. Д. Куроедов, комиссар В. Н. Васильев.

Август

Партизанский отряд «Большевик» (архангельский) создан из жителей Архангельска и области 21 августа 1942 года при первоначальной численности 73 бойца. Отряд (в партизанском обиходе «восьмерка») получил имя «Большевик» по «наследству», от отряда, созданного в августе 1941 года из жителей Петровского и Кондопожского районов и расформированного в ноябре 1941 года. Командирами архангельского отряда были: Е. М. Кокора; с октября 1943 года – Г. А. Калашников. Комиссары: И. А. Ипатков; с декабря 1943 года – М. Н. Корюкаев; с мая 1944 года – С.Е. Щукин.

Партизанский отряд «Сталинец» сформирован 21 августа 1942 года в Архангельске из жителей Архангельска и области. Первоначальный состав 70 бойцов. Действовал на северном участке Карельского фронта до 15 октября 1944 года. Командирами отряда в разное время были: А. Г. Цветков; с марта 1943 года – В. Т. Сысуев; с февраля 1944 года – В. А. Гонтаренко. Комиссар отряда все время оставался один – А. А. Афанасьев.

Партизанские отряды, сформированные в 1944 году

Партизанский отряд «Ленинградец» сформирован 5 марта 1944 года в Ленинградской области. Первоначальная численность 96 бойцов. Действовал до 15 октября 1944 года.

Командир Н. И. Иванов, комиссар М. С. Ильин.

Партизанский отряд (без названия) сформирован в Беломорске 2 июля 1944 года в составе 41 бойца. Действовал до августа 1944 года.

Командир И. Я. Кравченко.

Партизанский отряд (без названия) сформирован 4 июля 1944 года в Беломорске в составе 47 бойцов. Действовал до августа 1944 года.

Командир Ф. Ф. Журих.

По: Куприянов Г. Н. За линией Карельского фронта. -- 2-е изд. --

Петрозаводск, «Карелия», 1979.

Макуров В. Г. Карелия. Память о войне. 1945-2005. – ПетроПресс, 2005.

ПРИСЯГА ПАРТИЗАНА

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Красных партизан, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным партизаном, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все приказы командиров и политических руководителей.

Я клянусь до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской родине и рабоче-крестьянскому Правительству.

Я готов, как верный сын своей родины, с оружием в руках действовать на временно захваченных районах, создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников.

Я клянусь мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни преследовать и уничтожать на каждом шагу чужеземных захватчиков и грабителей до полной победы над врагом.

Если же по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара Советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

« ____ » _____ года.

Подпись _____

ПАРТИЗАНСКИЙ СЛОВАРЬ

«Аэросани» – небольшие санки-волокуши, устроенные из нескольких лыж, связанных вместе. По пути во вражеский тыл иногда использовались для транспортировки тяжелых вещевых мешков; на обратном пути – для доставки раненых.

бромид, бромидная винтовка – оружие (винтовка или карабин) с дульной насадкой для бесшумной стрельбы. Была на вооружении партизанских отрядов из расчета одна на отделение или взвод и применялась для снятия часовых. Бесшумность стрельбы достигалась за счет специальных прокладок-уплотнителей, которые следовало заменять через каждые пять выстрелов. После 57-суточного похода партизанской бригады А. И. Григорьева летом 1942 года, во время которого были случаи добывания раненых, само понятие «бромид» в партизанской среде приобрело двусмысленный, негативный оттенок.

валежина, валежник – упавшее дерево в лесу.

«второй автомат» -- партизанская ложка.

«вытянуть патруль» – дать возможность лыжникам финского патруля войти в глубину партизанской засады, «вытянуться» вдоль всей цепочки бойцов. Засада располагалась вдоль контрольной лыжни противника, как правило, на расстояние в несколько десятков метров. Поэтому при недостаточной выдержке и раннем открытии огня патруль не успевал «вытянуться», и крайний, по ходу группы, солдат имел возможность скрыться. Если, наоборот, с атакой запаздывали, то скрыться (убежать) мог передний боец патруля. Мастерство организации засад достигалось большим опытом и немалой кровью.

говорить «вполрта» -- разговаривать тихо, тише, чем вполголоса. Выражение использовалось в начале в разведвзводе, а затем и в других взводах партизанского отряда «Вперед».

«глоточек легкой» -- выражение использовалось в отряде «Вперед». Во время особенно тяжелых переходов, на привалах, партизаны (особенно медсестры) упрашивали радиста Васю Ряполова настроить рацию на музыкальную волну и по очереди, по одному наушнику,

в течение нескольких минут слушали легкую музыку. Это было грубейшим нарушением инструкции, и радист шел на него крайне редко.

«доходяга» – боец, который по причине болезни, усталости или истощения не мог выдерживать ритм движения отряда. Таких в начале «разгружали», то есть передавали другим наиболее тяжелые вещи – оружие, боезапас и так далее, затем ждали и подгоняли. Когда «доходяг» становилось настолько много, что они угрожали отряду невыполнением боевой задачи (как зачастую случалось во многих отрядах летом 1942 года), их оставляли в укромном месте с оружием и под присмотром медсестер или военфельдшера. «Доходяги» в отряде, работа с ними и контроль находились в пределах ответственности политруков и комиссара. Отношение партизан к «доходягам» было, как правило, снисходительно-пренебрежительное.

«жми-дави» – консервная банка 125 граммов весом, содержимое которой, в виде крепкого студня, состояло из парафина, растворенного в спирте. Предназначена для подогрева пищи в походных условиях. Выдавались по две штуки каждому и чаще всего использовались не по назначению. Содержимое выкладывали на полотенце и начинали туго скручивать (отсюда «жми-дави»). Парафин превращался в маленький шарик, а спирт вытекал в подготовленную посуду. Затем жидкости давали отстояться минут 10-15, и всплывшие остатки парафина аккуратно снимали кусочком хлеба. В результате получалось примерно 100 граммов чистого спирта. Выработка технологии извлечения спирта из банок долгое время было серьезной задачей для партизан. Применение различных методик, к примеру, намазывание массы на хлеб, признавалось неэффективным. И только к весне-лету 1942 года был открыт способ «жми-дави», который сразу же «поступил на вооружение» во всех отрядах Карельского фронта.

«живой телефон» -- способ передачи по цепочке, от бойца к бойцу, приказов командования, а также обратной информации от замыкающей движение группы прикрытия и групп бокового охранения. Использовался во время переходов или боя. Поскольку от «живого телефона» зачастую зависел не только успех боевой операции, но и жизнь отдельных бойцов и судьба отряда, командование требовало от партизан жесточайшей ответственности и точности при передаче информации.

«загуста» – варево из муки в кипящей воде. Наиболее широко было распространено во второй половине похода партизанской бригады А. И. Григорьева на Поросозеро в июле-августе 1942 года.

«КФ» – автомат «Карело-Финский». Неудачный аналог известного ПППШ (пистолет-пулемет Шпагина), имеющий, тем не менее, свои конструктивные отличия. Производство «КФ» было налажено на предприятиях Карелии, в частности, в Сегеже. В небольших количествах поступал в партизанские отряды и быстро был снят с вооружения по причине ненадежности.

«козья ножка» -- одна из разновидностей махорочных самокруток. Из-за внешнего вида так же партизаны называли советский автомат с откидывающимся прикладом и магазином в виде рожка-- ППС (пистолет-пулемет Судаева). Был на вооружении карельских партизан с осени 1942 года (по другим данным – с конца 1943 года) и популярностью не пользовался.

«кочующая застава» -- особое подразделение советских пограничных войск на восточном берегу Онежского озера, в пределах Пудожского района. Здесь, в «конторском поселке» Шальского лесозавода, неподалеку от Пудожа, дислоцировались партизанские отряды южной оперативной группы. В задачу «кочующих застав» входило защита побережья от финских диверсионных и разведывательных групп, а также взаимодействие с партизанами, в частности, встреча из рейдов, прикрытие отходов от групп преследования, помощь в доставке раненых. Аналогичные подразделения с похожими задачами существовали и на оккупированном Заонежском полуострове у финнов.

«карельский костер», он же «нодья», он же «раготули» – костер, специально устраиваемый во время длительных ночевки в отрядных походах зимой. Строился, как правило, так. Толстые стволы двух сушин длиной один-два и более метра укладывали на небольшие прокладки из камней или деревянных клиньев параллельно друг другу (по другому методу – один над другим) и зажигали посередине. Такой костер не дает дыма, горит несильно, но долго и жарко.

«котелок подвел» -- двусмысленная шутка, широко используемая в партизанском отряде «Вперед». Она родилась из реального случая, когда в самый напряженный момент боевой операции осенью 1941 года убийца Михаила Лазарева отвязался и загремел на камнях

котелок. С тех пор всякого рода промашки в походах партизаны обозначали фразой «котелок подвел», прежде всего имея ввиду отсутствие сообразительности.

«КОСТЫЛЬ» -- самолет воздушной разведки противника. Этот самолет был предметом особого раздражения партизан в походе. При его появлении отряд или группа обычно вынуждены были останавливаться и затаиваться. Сбивался график движения, ломались планы. При этом, не имея более-менее тяжелого вооружения, партизаны не представляли для воздушного разведчика сколько-нибудь серьезной угрозы. Нижняя часть самолета была укреплена от поражения с земли стрелковым оружием легкой броней.

ЛИНИЯ (полоса) боевого охранения – условная черта между двумя гарнизонами, которая контролируется постоянными или передвижными заставами и патрулями. Кроме того, для затруднения прохода, а также возможно быстрого обнаружения противника, на линии боевого охранения широко использовали минные поля и завалы. 18 августа 1941 года при переходе линии боевого охранения финнов попал на минное поле и одновременно в засаду партизанский отряд им. Чапаева. Командование отряда в полном составе, а также семеро бойцов погибли на месте, 13 партизан были ранены. На некоторое время отряд был расформирован и влит в «Красный онежец».

«ЛИМОНКА» – граната оборонительного действия Ф-1

«МЕЛКАШКА» – малокалиберная винтовка со свинцовой пулей калибра 5,6 мм. Была широко распространена в спортивных и профсоюзных организациях в качестве спортивного и тренировочного оружия.

«НЮПЫ», они же наносники – специальные нашивки из кожи на носках валенок для крепления лыж. Появились в отрядах зимой 1942 года и позволяли быстро скинуть лыжи при переходе из походного состояния в боевое. «Нюпы» позаимствованы у финнов, для которых подобный способ крепления лыж является древним.

«ОБРАБОТКА», «ОБРАБОТАТЬ КОЛОННУ» – тщательный осмотр боевой техники, обозов и вещей после разгрома из засады колонны автомашин или обозов. Поводился с целью обнаружения карт, секретных пакетов и других документов, представляющих интерес для армейской разведки, а также в качестве доказательства того, что боевое задание штаба

выполнено. Кроме того, «обработка» в период длительных походов давала возможность пополнить запасы съестного. Сама процедура всегда представляла для партизан повышенную опасность. Внезапно атакованные солдаты и офицеры противника редко имели возможность отступить или спрятаться и притворялись убитыми. И во время «обработки» не выдерживали нервного напряжения и начинали стрелять. Кроме того, на «обработку» терялось драгоценное время отхода на временную лесную базу, к главным силам отряда, «отпущенное» партизанам группой преследования противника.

«помощник смерти» -- кличка военврача партизанского отряда «Боевые друзья», лейтенанта медицинской службы Григория Васильевича Астахова, который «был больше солдат, боец, чем врач» (И. А. Комиссаров). Впоследствии кличка распространилась и на другие отряды, где всех медработников в шутку стали звать «помощниками смерти».

«партизанский коньячок» – смесь из спирта, добытого способом «жми-дави», (см. выше) с витамином «С» (настоем плодов шиповника), который медработники выдавали в отрядах в качестве профилактики при заболеваниях цингой.

«последний час» – во многих отрядах шутливая кличка радистов. Видимо, родилась по аналогии с названием очень популярного в годы войны выпуска новостей агентства Совинформбюро «В последний час». Если позволяла обстановка, эти выпуски во время походов слушали в штабе отряда командир, комиссар и начальник штаба, а затем пересказывали бойцам.

ППШ -- пистолет пулемет Шпагина. Использовался с магазином в виде диска емкостью 71 патрон или рожка на 40 патронов. Имел конструктивные и боевые недостатки.

ППД – отечественный автомат с не откидывающимся прикладом и кассетой-магазином в виде диска на 71 патрон. Появился на вооружении Красной армии с финской войны, примерно с 1940 года. Диски ППШ и ППД были не взаимозаменяемы.

ППС – советский автомат облегченного типа, с откидывающимся прикладом и магазином в виде рожка. Появился на вооружении партизан в конце 1943 года. Излишняя легкость не позволяла вести сколько-нибудь прицельной стрельбы. Партизаны дали автомату ППС несколько пренебрежительных названий – «ПеПеСе» или «козья ножка» и оценивали

его следующим выражением: «Для шума только. Говно, а не автомат» (Б.С. Воронов, И. А. Комиссаров).

«разгрузка», «разгрузить» -- раздача бойцам в начале отделения, а потом, если,необходимо, и взвода для переноски оружия и боезапаса раненого или отстающего бойца. Поскольку все в отряде несли тяжести, питались и, следовательно, уставали одинаково, процедуру «разгрузки» воспринимали, хоть и с пониманием, но болезненно. Зачастую без приказа, добровольно брали на себя переноску оружия и других тяжестей отстающих бойцов девушки-медсестры.

«снежный теремок» -- укрытие из снега и льда в торосах на Онежском озере.

Такие «теремки» партизаны устраивали во время многочасовых переходов по льду с пудожского берега на Климецкий остров, в Сенную Губу, Воезнаволоок, Конду, другие населенные пункты Заонежья и Вепсского берега зимой 1942 года и позже. В них пережидали сильные ветра, пережидали светлое время суток, прячась от самолетов противника, грели на примусах чай и разогревали тушенку.

«сидор» -- вещевой мешок, крайне неудобный для переноски тяжестей, постоянно перекатывающийся по спине и растягивающийся до громадных размеров. К зиме 1942-1943 годов многие партизаны заменили свои «сидора» на удобные и практичные рюкзаки, добытые в боях у солдат противника.

«спутник агитатора» – автомат. Шутка, которую попытались привнести в партизанскую среду литераторы того времени (Г. Фиш), писавшие на партизанскую тему. Не прижилась, оставшись лишь в произведениях авторов.

«слушать снег» -- так романтично назывался основной метод обнаружения приближающегося в темноте противника. Поскольку ифинские диверсионно-разведывательные группы, и партизаны выходили к берегам затемно, бойцы «кочующих застав» использовали такую тактику. Проходя по контрольной лыжне, либо просто вдоль береговой линии, они часто ложились на снег и слушали, не заскрипят ли по ледяной корке озера или насту лыжи. Резкий звук лыж по плотному снежному или ледовому насту на открытых пространствах Онежского озера разносился очень далеко. Часто этот метод приносил нужный результат.

сухарник, сушина – дерево, засохшее на корню, а потому представляющее собой наиболее удобный источник дров для костра.

«толкушка» – немецкая и, похожая на нее, финская гранаты с длинной рукоятью. «Толкушкой» именовали также гранату, производство которой было налажено в Карелии, на производственных мощностях Сегежского ЦБК. Собственная карельская граната имела длинную рукоять и была похожа одновременно на немецкую и финскую гранаты. Чтобы поставить ее на боевой взвод, требовалось известное терпение. Необходимо было с помощью специального шарика вытянуть запал, а затем сильно встряхнуть. Без этого запал не срабатывал. Граната была крайне ненадежна и были случаи взрыва в руках еще до броска. Однако в бою, эта граната имела только одно достоинство – ее удобно было бросать.

«травить» -- способность увлекательно, с фантазией и весело рассказывать анекдоты и различные байки, подвирать, где это требовалось по «сюжету». Любители и специалисты по доброму «травить» в отрядах пользовались особенным уважением.

«термитный шар» -- специальный снаряд для осуществления поджогов. Имел круглую форму диаметром примерно шесть сантиметров. Состоял из смеси сахарной пудры с химическим веществом серого цвета. С одной стороны шар был снабжен покрытием, как на спичечной головке, а «терка» прилагалась отдельно. Мог быть зажжен от обычного спичечного коробка. Термитные шары в походе имел каждый партизан. Они хранились в вещевом мешке завернутыми в плотный материал во избежание промокания. При воспламенении термитный шар давал очень высокую температуру, достаточную даже для того, чтобы проплавить железо. Обычными средствами потушить шар было невозможно. Иногда в дальних походах партизаны использовали термитные шары для разведения костров в ненастную погоду.

«удочка» -- фугас со взрывателем натяжного действия. Чаще всего применялся в начале войны при подрыве рельсов на железных дорогах.

«хлопушка» – советская граната РГД. К ее преимуществам относили легкость. Однако использование гранаты в бою требовало известной выдержки. Чтобы привести РГД в боевое положение, перед броском следовало не только взвести взрыватель поворотом рукояти, но и сильно встряхнуть. После этого она сойдет с предохранителя, разобьется капсуль-воспламенитель, вспыхнет порох, а затем воспламенится гремучая смесь и сработает

взрыватель. Отсутствием выдержки при броске часто объяснялись жалобы на то, что граната не взрывалась.

«шурум-бурум» – довольно распространенная в партизанской среде разговорная оценка психологических последствий операции, проведенной во вражеском тылу. Тем более в условиях, когда подробностей о проведенных операциях рассказывать было не принято по причине известной секретности. «Сделать (навести) шурум-бурум». «Маленький шурум-бурум. «Большой шурум-бурум».

«язык» – солдат или офицер противника, намеренно или случайно в ходе боя взятый в плен и представляющий интерес с точки зрения получения разведывательных данных. Иногда, чтобы добыть только одного «языка», партизанский отряд совершал многодневный рейд по тылам противника и терял несколько своих бойцов. Партизанские отряды Карельского фронта передавали добытых «языков» в Беломорск, в штаб партизанского движения, а штаб, в свою очередь, в разведотдел Карельского фронта. Причем забота о том, как доставить пленного, за 40 километров, в Беломорск, скажем, с партизанской базы в селе Лехта, полностью лежала на самих партизанах.